

Елена Семёнова

Не уклоняюсь!

Хроники Чеченской войны

Елена Семёнова

Не уклоняюсь!

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Семёнова Е. В.

Не уклоняюсь! / Е. В. Семёнова — «ЛитРес: Самиздат», 2007

Документальный роман-хроника, охватывающий период 2-й Чеченской войны. Её события показаны сквозь призму судеб нескольких русских офицеров, коим пришлось пройти не только горнило войны, но и куда худшее испытание - предательство.

Содержание

ПОД ОГНЁМ ПЕРЕКРЁСТНЫМ	6
Глава 1.	6
Глава 2.	14
Глава 3.	26
Глава 4.	30
Глава 5.	35
Глава 6.	39
Глава 7.	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Русским офицерам и их жёнам, а также всем тем, кто остался верен России, всем, для кого слово «честь» не пустой звук, посвящается этот роман...

Все персонажи данного романа являются вымышленными. Любое сходство с реальными людьми – случайно.

*...Сидим в горах, вокруг зима, храпит в грязи пехота,
Нам как-то было не до сна и тошно от чего-то,
И разговор мы завели в час злобного затишья,
Куда нас черти завели в конце времён братишка?
Куда нас духи завели в конце времён братишка?*

*Ему кричал я: "Посмотри на эти сучьи рожки,
Им всё до фонаря, гори, страна в придачу тоже,
Нас завтра снова продадут, пойдём на урожай...",
А он в ответ: "Брось баламут, Господь нас уважает",
А он в ответ: "Брось баламут, Господь нас уважает"...*

Юрий Шевчук

ЧАСТЬ

I

ПОД ОГНЁМ ПЕРЕКРЁСТНЫМ

Глава 1. Жди меня...

Хроника

01.08.99. Вторжение боевиков с территории Чечни в Цумадинский район Дагестана.

04-05.08.99. Вторжение боевиков в Ботлихский район.

Август-сентябрь 1999-го года. Боевые действия в Новолакском районе. Применяется артиллерия и авиация. Федеральными силами взяты пункты Кадар и Карамахи, гора Чабан и село Чабанмахи.

04.09.99. Взрыв жилого дома в Буйнакске. Погибло 64 человека.

09.09.99. и 13.09.99. Взрывы жилых домов в Москве. Погибло 226 человек.

19.09.99. Взрыв жилого дома в Волгодонске. Погибло 17 человек.

08.10.99. В станице Микенская бандитом были расстреляны 34 русских станичника. При этом убийца кричал: "Русские! Убирайтесь домой!".

Той же осенью: В станице Знаменской бандитами расстреляны 40 русских "за содействие федеральным силам". По такому же приговору убиты жители станицы Ищерская...

Цитата

«Исламские народы могут жить самостоятельно, без России, по законам Аллаха. Хотя некоторые боятся русского оружия, так называемой великой русской армии. Однако я знаю, что в действительности никакой великой русской армии не существует. У них есть пушки, вертолеты и самолеты. Но нет воинов... Я готов к новым конкретным действиям. Не только в отношении армии, но и в отношении всего русского народа, который будет отвечать за то, что делается в Карамахи. Русские женщины и дети будут отвечать за действия генералов... Мы остановим Россию. Россия перестанет существовать». Хаттаб. 1999 год.

Сирена завывала пронзительно, разрезая тишину мрачной осенней ночи. Наташа проснулась и инстинктивно, ещё ничего не соображая спросонья, прыжком вскочила с постели и метнулась к окну.

За окном в непроглядной тьме моросил дождь. Фонари не горели который день, и от этого становилось ещё неприятнее, страшнее. Где-то вдалеке слышались удаляющиеся хохочущие голоса подвыпивших подростков. Сирена умолкла. «Переростки обдолбанные, – с раздражением подумала Наташа. – Шутки ради пнули машину. Откуда ж идиоты берутся?!...»

В прежнее время звук воющей сирены не только не напугал бы её, но даже и не разбудил бы. Но в последний месяц сон девушки стал необычайно чуток. Да и только ли у неё? Наверное, все теперь, лёжа в своих постелях, напряжённо вслушиваются в ночную тишину: где гарантия, что следующей братской могилой не станет именно твой дом? Впрочем, нет, не все... Этим, что машины спяну пинают да гогочут по ночам, хоть кол на голове теши: война, террор, смерть – у них всё пир во время чумы – «бери от жизни всё!»

Наташа опустила на кровать, закуталась в одеяло. Нет, не будет теперь сна... До самого утра не будет. И от каждого шороха поневоле вздрагиваешь: человек ли прошёл, машина ли проехала, ветер ли прошуршал... Говорила утром Тамарка, подруга любимая, что этажом выше живёт и всё про всех знает, будто в соседнем доме нашли взрывчатку... А теперь уж и ко всякому мешку бесхозному с подозрением относишься и быстрее пройти мимо стараешься. А ещё на днях сама видела, как таскали три крепких мужика какие-то мешки в подвал. Так и замерла: уж не гексоген ли в них? Слово это «гексоген» теперь каждый знает. На всякий случай позвонила, куда надо: оказалось, цемент для ремонта рабочие в подвал заносили.

Подвалы! Вот уж отчего страх берёт. От собственного дома подвала. Ни решёток нет на них, ни замков на дверях. Иной раз собаки забегают туда да воют по целой ночи. И кто угодно – заходи! И даже теперь...

А на днях остановил какой-то прохожий: «Девушка, где у вас бомбоубежище?» Пожала плечами Наташа: сколько лет жила здесь, о таком не слышала. Потом узнала: есть бомбоубежище, всего-то через улицу. Под овощехранилище используется. Да на кой оно теперь-то, бомбоубежище, когда изнутри взрывают? И не спастись...

Об этом не говорит никто. Все, с кем виделась Наташа в последние дни, нарочито старались говорить о чём-то стороннем, да выходило плохо: говорили об одном, а думали об ином совсем, и эта дума – на лицах опрокинутых, в голосах притихших – отпечаталась. А когда и прорывалась:

– Уезжать надо! К чёртовой матери! Все эти города... Саркофаг многомиллионный! В деревню бежать, туда не доберутся...

Отчего-то иногда время летит с пугающей быстротой, но такими бессонными ночами кажется, будто даже время умерло, и остановились стрелки часов и не двигаются с мёртвой точки. О, скорее бы уже утро: выпить кофе и бежать на работу, а оттуда в институт...

В институте, при входе висят теперь три портрета в чёрных рамках. Двое студентов с Гурьянова (с одним, Шуркой с параллельного потока, знакомы были, встречались в одной компании) и девушка с Каширки. Кто говорил, что война – это далеко? Это где-то на юге (иные и не припоминают географически, где)? А, вот, уж и здесь она. Протянула костлявую свою руку, встала во всем ужасе своём пред взором – укройся-ка!

Но самое страшное всё-таки было не это. Самым страшным было другое: он – там! Он – на войне! Он – в кипящем том котле, где смерть – среда обитания. От одной мысли этой кровь бросалась в голову, а сердце билось где-то в горле. Почему – он?! Вон, Генка Камаев никогда не окажется на войне. Даже, начнись теперь 3-я Мировая, Отечественная, нашёлся бы, как сберечь свою драгоценную жизнь, как оказаться подальше от линии фронта (а теперь такой и нет ведь!). Хотя... Может, именно поэтому никогда не сможет любить Наташа Генку, по которому сохла половина девчонок с её курса. А Игоря полюбила однажды и на всю жизнь...

Когда в августе начались бои в Дагестане, Наташа поняла: Игорь вскоре будет там. Не потому даже, что он офицер спецназа, а, значит, вероятность командировки в горячую точку весьма велика, а в силу характера. Будь он даже и мирной профессии, не остался бы стоять в стороне. Есть такие люди, которые в самые тяжёлые моменты оказываются в авангарде тех, кто становится на пути надвигающейся грозы, даже если силы бесконечно неравны. Просто потому что не могут иначе. Потому, что «кто-то должен идти», как говорил незабвенный Дон Кихот. Только в отличие от него им приходится противостоять отнюдь не ветряным мельни-

цам, а жестокому и сильному врагу. И вовсе не самозваная интеллигенция, а такие, вот, странные люди, живущие по законам чести в то время, когда даже само это слово произносится с издёвкой и презрительной миной – соль земли русской. Это они с криком «будем жить!» идут на смерть – во имя жизни. В прежние времена сказали бы о них – «белая кость». Да и теперь сказать можно. Белая кость. Если не правом рождения, то правом куда более святым – правом Духа, правом Жертвы, правом Чести.

Всё это Наташа угадала в Игоре внутренним чутьем, не формулируя, а только чувствуя. Угадала и поняла, что он тот, о ком мечтала она, тот, с кем «в болезни и в здравии, пока смерть не разлучит», до конца, единым биением двух сердец. Ведь бывает же так!

Они встретились случайно прошлым летом. Игорь за компанию с приятелем и сослуживцем приехал тогда в столицу на две недели погостить у одинокой тётки последнего и заодно посмотреть Первопрестольную. Сам он родился и жил в Пермском крае, где в своё время обосновались ещё его дед и бабка, депортированные с родной земли донские казаки. Дед, испытывавший в полной мере всю «прелесть» тюрем, пересылок и лагерей, умер рано, и бабка одна тянула двоих детей. Дочь, Надя, вышла замуж поздно. Её мужем стал пожилой инженер Николай Петрович Стрешнев. И лишь пять лет спустя в семье родился единственный, долгожданный, вымоленный сын – Игорь.

Говорят, что гены заявляют о себе через поколение. Видимо, так и произошло в случае с Игорем. Воспитываясь в скромной, интеллигентной семье (папа – инженер, мама – педагог), он должен был выбрать мирную профессию. Отец мечтал, чтобы сын стал врачом, мать – музыкантом. Но неожиданно для всех Игорь выбрал военное поприще. И это в то время, когда армия, спецслужбы, вся силовая составляющая государства разваливалась на части! Кровь донских казаков требовала своего. Ведь прадед Игоря был не кто-нибудь, но настоящий атаман! О нём ещё бабушка рассказывала внуку, когда тот был совсем маленьким. Огорчалась мать выбору сына, вздыхал отец, но переубедить не смогли: однажды принятое решение Игорь не менял никогда.

В тот день Наташа с неразлучной подругой Тamarкой гуляли по Красной площади. Точнее, маршрут их был более обширен: весь центр города. Обе девушки любили долгие прогулки, а в тот день и сама погода была предназначена для оных. Ярко-ярко сияло солнце в безоблачных небесах, нежно согревая всё и вся своими золотистыми лучами, и тёплый ветерок освежал лёгким дыханием. Наташа любовалась своей красавицей-подругой. Тамарка был старше её на год и отличалась необычайно эффектной внешностью: смугловатая, белозубая, большеглазая, с тёмными кольцами густых длинных волос, она была в меру высока и на зависть хорошо сложена. Вдобавок Тамарка всегда заботилась о своей внешности: если туфли – то на высоких шпильках, если юбка – то с разрезом глубоким, чтобы ноги на всеобщее обозрение, если майку – то стрейч, если косметику – то дорогую. Нет, никогда бы не смогла Наташа так выглядеть! Конечно, и она сложена весьма недурно, но подчеркнуть того не умеет: ноги стройные показать – стыдно отчего-то, поэтому скрывали их длинные юбки или чаще брюки, на шпильках ходить неудобно – лучше кроссовки или туфли без каблучков вовсе, на косметику дорогую – денег жаль. Да и вообще, любила Наташа одеваться так, чтобы было ей удобно, и выглядеть любила просто, не вызывающе: зачем лишнее внимание привлекать? Волосы густые, золотистые – в хвост конский, лицо правильное – едва припудрить лишь – и весь макияж...

Примечала Наташа, гуляя по улицам, как скашивают в их сторону глаза молодые люди, да не обольщалась: знала, это на Томку смотрят они – и можно ли не смотреть?

А на Красной площади встретились девушкам два молодых человека. Вроде и ничего примечательного не было в них, кроме, разве что, безупречной выправки, по которой можно часто угадать военного человека среди штатских. Один – ростом пониже, крепкий, смешливый, с глазами весёлыми, а другой – высокий, чуб русский на лоб спадает, а глаза – как небо в тот день...

И заняло где-то внутри при взгляде на красавца синеглазого... Точно магнитом потянуло к нему Наташу. Да сама бы не подошла она никогда. Да и он, может, не подошёл бы... И кто знает, как бы сложилось всё, если бы не друг его, чьё внимание (неизбежно!) привлекла красавица Тамарка.

– Разрешите представиться, барышни: старший лейтенант Брагин! – руку приложил военному, а глаза смеются. – Мой боевой товарищ, старший лейтенант Стрешнев!

Улыбнулся и он, кивок учтивый изобразил.

– Тамара, – отозвалась Томка, щуря тёмные глаза. – А это моя подруга, Наташа. А вас как же по именам звать? Или, виновата, к вам следует по званию обращаться, господа офицеры? – и рассмеялась заразительно.

– Нет, звания мы прибережём для начальства и подчинённых, а для милых барышень мы будем просто Толей и Игорем! – в тон ей ответил Брагин.

– А что же вы, Анатолий и Игорь, не в форме?

– Конспирация! – с заговорщицким видом прошептал Толя. – Секретное спецзадание! Соблюдение инкогнито!

Девушки рассмеялись.

– И что же нужно от милых барышень господам офицерам? – полюбопытствовала Тамарка.

– Видите ли, – деловито начал Брагин, – мы с другом первый раз в Москве. Ничего здесь не знаем, ничего толком не видели, а через полторы недели нам уж снова на службу возвращаться. Так, может быть, вы будете столь любезны, что не откажите нам в экскурсии?

Наташа всегда избегала уличных знакомств. Да и Тамарка, несмотря на внешнюю отвагу, их остерегалась. Но отчего-то военные до сей поры не способны обезоружить самую осторожную женщину. Офицер просто не может иметь дурных намерений – даже многолетняя антиармейская истерия СМИ и реальные факты преступлений, совершённых военными, не могли истребить это веками установленное понятие. Офицер – олицетворение чести. Даже если разумом понимаешь, что далеко не всегда это так, где-то в глубине души живёт это отдающее мифом убеждение и притупляет бдительность.

– А какая награда экскурсоводам? – смеялась Тамарка.

– Награда? – Толя обернулся к Игорю. – Игорях, чем вознаградим барышень?

– Угостим мороженым, – шутливо отозвался тот.

– Как вам такое предложение? – снова повернулся Брагин к Томе.

– Негусто... – протянула Тамарка. – Но для вас мы, пожалуй, сделаем скидку! Правда, Наташ?

– Значит, согласны?

– Согласны, – милостиво улыбнулась Тома.

– От лица всех вооружённых сил, представленных в нашем лице, выражаем вам благодарность! – воскликнул Брагин, изображая учтивый полупоклон.

– Служим России! – со смехом отозвались девушки.

Так и отправились они гулять дальше – парами – Толя с Томой и Игорь с Наташей...

В тот день они побывали и на Арбате, и в Александровском Саду, и на Воробьёвых горах... Наташа вначале немного робела, но уже вскоре ей стало казаться, что они знакомы с Игорем очень-очень давно, будто бы знала она его всю свою жизнь.

Вечером решено было встретиться вновь, на другой день, и продолжить экскурсию. Разумеется, инициатором этого вновь выступил балагур Брагин. Оставили девушки и свои телефоны.

На следующий день вся четвёрка отправилась в парк Горького. Как пролетело там время, Наташа помнила смутно. Помнила, как отстрелялись друзья в тире, к большому огорчению его хозяина не промахнувшись ни разу, и подарили девушкам по большому мягкому медведю.

Помнила «Американские горки», на крутых поворотах которых прижимало её к Игорю, и от этого какой-то ранее незнакомой радостью трепетало сердце.

А вечером на открытой танцевальной площадке танцевали они. Наташа не любила современной музыки, но это было совершенно неважно теперь. Она и не слышала этой музыки, а слышала только биение своего сердца и видела перед собой лицо Игоря, склонённое так близко к ней, что его чуб касался её лба.

А на следующее утро он позвонил Наташе и предложил встретиться вдвоём, без Тamarки и Брагина, и Наташа согласилась.

Та неделя пролетела как одно мгновение. Будь на месте Игоря Генка, он непременно повёл бы Наташу в рестораны, в дорогие и престижные заведения (да и водил однажды), но у молодого лейтенанта Генкиных средств не было, а потому бывали они в различных московских парках, блуждая по ним долгими часами, разговаривая обо всём и ни о чём, не исчерпывая тем для разговоров, не надоедая друг другу. Наташа и представить не могла, что можно испытывать такое головокружительное счастье лишь от нахождения рядом с каким-то человеком. С «каким-то» и не испытываешь. Только – с любимым. И тут уж не нужны ни рестораны, ни развлечения. Что это всё, когда есть главное!

Дважды ходили они в кино. Наташа даже не запомнила, о чём были фильмы. Запомнилось лишь, что это были не то европейские, не то американские мелодрамы. Но разве до экранных поцелуев было тогда? Самые страстные из них никогда не сравнятся с настоящими.

Когда пришло время прощаться, Наташе показалось, что земля отнимается у неё из-под ног. А вдруг уедет и не вернётся больше? Забудет?..

– Ну, что ты, глупая? – смеялся Игорь в ответ на эти немые вопросы и страхи. – Разве я тебя оставлю теперь когда-нибудь? Я не умею красиво говорить, но... Я не мог и представить, что можно вдруг встретить человека и сразу привязаться к нему до такой степени, чтобы он стал частью тебя! Я прошу тебя, Наташ, береги себя! Ради меня – береги! Потому что за эти полторы недели ты мне стала дороже всех самых близких людей! Понимаешь?

– Ты тоже себя береги! – отвечала Наташа. – Я теперь буду жить... Не жить... Ждать! Тебя ждать! Ведь ты же приедешь опять?

– Конечно! – Игорь ласково обнял девушку, отбросил выбившиеся волосы с её лба, поцеловал. – Я буду тебе письма писать. И звонить. Часто-часто. А, как только смогу, приеду. И мы с тобой поженимся...

Они стояли на берегу Москвы-реки. Наташа резко подняла голову и взгляделась в лицо Игоря: не шутит ли?

– Игорь, ты это всерьёз сейчас?

– Барышня, офицеры такими вещами не шутят! – улыбнулся Игорь. – У нас слово с делом не расходится. Нет, если ты, конечно, имеешь что-то против...

– Я? Против?! Да ты с ума сошёл! Я же и мечтать не могла...

– А, вот, мечтать надо. Только в меру! А то иные мечтают-мечтают, а жить забывают.

– Мне теперь и мечтать не нужно... Только бы ты рядом был... – выдохнула Наташа, не веря своему счастью. У неё немного закружилась голова. Ей казалось, что ещё чуть-чуть, и она сможет, как птица, воспарить над рекой, на этом городом, в синее небо...

...Стрелки часов лениво приблизились к пяти. Наташа вздрогнула. Господи, какой сладкий был сон. Почти сон... Сон с открытыми глазами... Так стало тепло от него. А на губах и теперь, точно поцелуи его горят. Наташа поднялась и стала застилать кровать: нечего ждать дольше, не будет сна...

На другой день после отъезда Игоря забежала Тamarка, плюхнулась на диван, посмотрела с любопытством:

– Слушай, подруга, ну, ты даёшь! Целую неделю тебя не поймать! Влюбилась, что ли?

– Влюбилась, – честно призналась Наташа.

– О как! А Генка как же?

– Что – Генка? Для меня он всегда был просто другом... И ничего больше. Я ему не давала ни малейшего повода думать, что между нами может что-то быть.

– Он так не думает, – пожалала плечами Тамарка. – Но это дело твое. А что, у вас с этим старлеем всё было?

– Что – всё?

– Тьфу ты, Господи! Популярно объяснить?

– Нет, не было...

– О как! Ну, вы даёте! Чем же вы занимались целую неделю?

– Гуляли, разговаривали, молчали...

(Молчание! – вот, ещё величайшее счастье. Идти рядом и молчать и не чувствовать неудобства от этого! С Игорем это было легко. «С вами так хорошо молчать...» Откуда это? Неважно! Главное, так изумительно точно!)

– Нет, вы точно какие-то ненормальные, – хмыкнула Тамарка. – 19-й век! Благородный офицер и кисейная барышня...

– Тома, он меня замуж позвал...

Тамарка запнулась, посмотрела на подругу с удивлением и, помедлив, спросила:

– А ты?

– Согласилась...

– Хм... О как! Наташка, а с матерью ты уже говорила? Сомневаюсь, что она обрадуется такой новости. Ведь он не москвич... Что ж, он у вас жить будет?..

– Если надо будет, я сама к нему поеду. Мне теперь всё равно, где жить. Лишь бы он рядом был.

– С милым рай в шалаше?

– Думаю, да.

– О как! Что ж, может, ты, Наташка, и права... Только я жить в шалаше не хочу ни при каком условии. Но тут уж воля твоя...

...А потом были письма. Каждое утро с замиранием сердца опускала Наташа руку в почтовый ящик, шаря в нём в поиске заветного конверта, и подпрыгивала от радости, если удавалось найти его. Писала и она. Каждый день. Обо всём, что происходило в её жизни, точно дневник вела. Как он и просил. Правда, отправляла эти письма раз в неделю. Все семь в одном конверте. Наташа уже не могла вообразить своей жизни без Игоря, без его писем и голоса, который, хотя и изредка, но раздавался трубке – и какое счастье было слышать его! Она готова была слушать его долго-долго, а он требовал, чтобы говорила она, чтобы слышать её...

За год Игорь приезжал дважды. На день-два. И это были самые счастливые дни. А в последний раз он приехал в августе. Как раз тогда, когда боевики напали на Дагестан... С той поры Наташа стала бояться сводок «Новостей». Она не могла сама смотреть их и просила маму.

– Мама, посмотри, а потом скажи мне, что там...

Кто же знал, что там! Там – война. Война, которую стыдливо называют контр-террористической операцией (и не выговоришь!) – кого обмануть хотят?..

Наташа опустилась на колени перед большой иконой Казанской Богородицы и, глядя на тёплый огонёк лампы, принялась шептать слова молитв, которые отчего-то упрямо не шли на язык, вытеснялись из ума водоворотом мыслей, которые – как удержать?! И, оставив заученные, со слезами прошептала Наташа:

– Господи, пощади его! Сохрани, прошу тебя! Не отнимай! Не было отца у меня – пусть. Забрал ты брата моего – не ропщу. Но его не отнимай! Господи, помоги ему там! Всем им помоги! Сохрани, помилуй! И всех, кто их ждёт, сохрани! Дай, чтобы дождались! Господи, спаси от отчаяния, укрепи и дай сил им! И тем, кто там, и тем, кто здесь ждёт их! Прости меня

за всё, Господи! Не оставь! Господи... – и перекрестилась, и лбом горячим к холодному полу приникла и замерла так.

Последний раз они виделись на вокзале, когда он уезжал. Туда. Как ни силилась Наташа удержать слёзы, а они всё равно текли из покрасневших глаз. Игорь укоризненно покачал головой:

– Отставить слёзы! Или я на тебя сейчас ругаться буду. Грубо. Ничего страшного, Наташ: обычная командировка. Постреляем немного, и я вернусь к тебе живой и здоровый! Приеду, мы встретимся на этом самом вокзале, а потом пойдём в ЗАГС. Слово даю! А офицер слово своё всегда держит. Поэтому, как говорится, «жди меня, и я вернусь»!

– Я тебя очень-очень ждать буду!

Обнял, потрепал по волосам, поцеловал крепко, и, вот, уж он на подножке поезда, и колёса стучат, и он удаляется... Наташа шла рядом с поездом, потом бежала и остановилась лишь на краю перрона. Она стояла неподвижно ещё долго, даже когда поезд давно скрылся из виду, молча глотая слёзы. И в голове как будто молоточком выстукивало до боли знакомые с детства строки, голосом Лидии Смирновой читаемые:

Жди меня и я вернусь,
Только очень жди!
Жди, когда наводят грусть
Жёлтые дожди.

Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара.
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.

Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня.
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,

Выпьют горькое вино
На помин души.
Жди и с ними заодно
Выпить не спеши!

Не понять не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.

Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой.
Просто ты умела ждать,
Как никто другой!

Если в русской литературе какое-либо стихотворение, которое бы так всегда, так до боли, так непоправимо было современно, точно, так звучало бы в сердцах, даже наизусть не помнящих его, но единым чувством, криком многотысячным: «Жди меня!» О, она сможет ждать! Она именно так и будет ждать! Она обратится сама в ожидание, она будет там, с ним душой...

Если бы только хватило её веры, чтобы через такое расстояние пронестись и стать для него там оберегом, покровом защитным, любого бронезилета крепче! О, если бы так!

... Вот, и светает уже. Наташа тяжело встала с колен, на цыпочках прошла на кухню, заварил кофе. В коридоре слышались шаркающие шаги. Мама. Мама вошла в кухню, кутаясь в тёплую шаль и поправляя свои большие очки, вечно съезжающие с её маленького носа.

– Ташенька, что ты поднялась в такую рань? Сегодня ведь суббота...

Господи, вот же дура! Совсем забыла: сегодня же выходной. Какой ужас! Значит, не надо идти ни на работу, ни в институт... Значит, не забыться за этой повседневной будничной беготнёй... Как же стала ненавидеть Наташа выходные в последнее время. Нет, нужно придумать что-то... Нужно как-то убить эти два дня, пережить их... С Тamarкой куда-нибудь?.. Нет, нет... Тамарка уж точно поведёт на танцы да в клубы... Танцы – теперь?! Клубы – теперь?! Развлечения – теперь?! Нет, никогда... Когда война идёт, когда люди гибнут – как можно? Время раннее совсем... Что ж, для начала можно на службу сходить. В Церкви – когда в последний раз была? И не вспомнить! А ведь туда-то прежде всего и надо... Как это забыла она?.. Вот, теперь и исправить, наверстать, покаяться...

– Не спиться что-то, мама... – ответила Наташа рассеянно. – Пойду прогуляюсь немного.

– Иди, – пожала плечами мать. – Только оденься потеплее. Холодно уже...

– Конечно!

От кофе стало немного теплее, в голове прояснилось. Сейчас – на службу, а потом заняться учёбой. Запустила она несколько предметов в последнее время. Надо наверстать. Английский усовершенствовать... Надо бы на курсы пойти. Из зарплаты вполне можно выкроить нужную сумму... А завтра – на рынок. Холодильник уже пустой почти, а мама хворает. Так и пройдут выходные... Скорее бы...

– Мама, посмотри «Новости» и скажи мне, что там...

Глава 2. «Нас предали, но нас не победили»

Хроника

01-20.09.99. Парламент ЧРИ утверждает указ президента Масхадова о введении военного положения в Чечне и принимает постановление о состоянии войны с Россией.

21 октября – 7 января 1999-го года. Освобождены Аргун, Гудермес, Шали, блокирован Грозный, федеральные силы продвигаются в предгорные и горные районы.

29.12.99. Боевики взрывают две ёмкости с хлором в Грозном.

31.12.99. В.В. Путин прибывает в Гудермес – вотчину Ахмада Кадырова и братьев Ямадаевых, чтобы встретить в войсках Новый год, и вручает награды отличившимся в боях российским военным

07.01.00. Москва заключает трёхдневное перемирие с боевиками.

09.01.00. Боевые действия возобновляются. Боевики вновь занимают Шали, Аргун и Гудермес. НТВ демонстрирует запись казни российских солдат в Аргуни.

«Через несколько лет нам придётся снова вернуться сюда и пройти весь этот путь во второй раз...» – сказал один офицер три года назад, когда преданная и оплётанная армия уходила из Чечни. Пророчество сбылось в точности!

И снова капитан Валерий Курамшин проезжал по знакомой местности, русской кровью политой, местности, где четыре года назад узнал доподлинно, что такое война, по дороге, которую тогда преградили колонны чеченские женщины, и командование разводило руками – не стрелять же по ним! – по проклятому навсегда маршруту: на Грозный!

С каждой минутой как наяву оживали в памяти картины недавнего прошлого: лица погибших товарищей, бои, танки... Вспомнилось, как писали с чёрным юмором на танках этих: «Нас в бой толкает Менатеп». Ведь знали ещё тогда, когда никто о войне и не говорил, крысы-кукловоды из высоких башен, что именно этот банк будет Чечню из руин восстанавливать, и уже посчитывали выручку, и делили. Загодя! Делили деньги, на крови сделанные...

Во что-то выльется эта вторая война?.. Кто скажет? Одно уж добро: не будут на этот раз Грозный танками брать. Этот танковый штурм Валерий на всю жизнь запомнил. Сказал незадолго до него министр обороны Грачёв, что он бы никогда не допустил такого, что брать город танками – глупость, а когда всё-таки стали брать, так тотчас и развернул на 180 градусов: иначе нельзя было!

Вошёл Валерий в город с ротой необстрелянных мальчишек, со всей России-матушки в этот ад свезённых, и поразился, как через несколько дней парнишки эти 18-летние уже воевали так, будто всю жизнь только тем и занимались. Это уж не соллобоны зелёные были, а мужики, воины: налету схватывали всё, быстро обучались (а иначе-то в боевых условиях как? – замешкаешься чуть и пиши «пропало»!) – даже и противники отмечали это, и эксперты потом с удивлением констатировали: воевали парни наши лучше абреков. И только прогрессивная общественность видеть и знать того не желала, лила крокодилы слёзы и изгалялась садистски над чувствами родных: мол, трупами ваших сыновей усеян теперь город Грозный, и собаки обгла-

дывают их! Да за это одно к стенке их уж надо ставить было, как предателей. Да не ставили, да полную волю давали им, да поддерживали их...

А солдаты сражались. И погибали. Под конец из роты капитана Курамшина уцелело лишь пятеро. И как сейчас видится: вечер был, снег с кровью и грязью смешанный, танк подбитый, стены разрушенные, убитые, раненые, а посреди всего этого – костёр, вокруг которого сидят они вшестером, тушёнку жуют, наконец, с водой и медикаментами привезённую. Санитары появляются, раненых уносят... Смотрел Курамшин на своих бойцов (и уж не командир он им, а просто товарищ) и чувствовал себя словно виновным. За то уже, что почти вся рота его погибла, а он, капитан, живой и невредимый остался. За то, что повёл мальчишек этих в бой, на погибель. За всё и за всех разом вину чувствуя и понимая, что теперь эта вина до конца дней с ним останется. Подошли командиры, благодарность объявили. Да только не раздалось в ответ: «Служим России!» Молчали солдаты, смотрели сурово, жевали.

– Теперь отдохнёте! – пообещали им.

Тогда сержант Пашка Охлопков, владимирец, с висками поседевшими, лицо, за дни эти осунувшееся, копотью испачканное, поднял, посмотрел на начальство и сказал твёрдо:

– Не нужен нам отдых. Мы теперь за наших рассчитаться должны!

И остальные согласились, а начальство переглянулось недоумённо и руками развело...

Где-то теперь Пашка? Жив ли? Из всей роты был он самым старшим. Двадцать лет ему было, и служил он уже второй год. Позже, после Грозного уже, получил Пашка ранение. Лёгкое, правда, но отправили его домой, и с той поры капитан ничего не знал о нём.

А Курамшин прошёл ту войну до конца. Сколько раз прижимали уже абреков, ещё чуть-чуть – и добились бы, а в последний момент приказ из Москвы – перемирие! Абреки за то время поправлялись, и начиналось всё заново. Однажды, получив такой приказ, полковник Таманов рацию выключил и радисту сказал: «Будем считать, что приказа мы не получали!» Банду блокированную тогда успели уничтожить, да полковник поплатился за то увольнением от службы за неисполнение приказа. А другие – исполняли. И каждый такой приказ скольким бойцам стоил жизни!

Лишь бы не повторилось такое в эту войну...

Хотя уже по пути к Грозному многое настораживало Валерия. Покуда двигались войска по районам пророссийским, зачистки проводились со всей жёсткостью: изымались у населения даже ружья охотничьи. А ещё был и вовсе из ряда вон выходящий случай. В одном из населённых пунктов дали старейшины добро на проход федеральных сил, а тут вдруг явился приказ о нанесении ударов по тому селу. Выбегали из домов женщины с детьми, кричали, что нет в селе мужчин, чтобы прекратили огонь, размахивали руками, а удары наносились. Боевиков в селе, в самом деле, не оказалось.

Вспомнился Валерию 1995-й год. Тогда мирным районам тоже доставалось с лихвой, а, вот, на лагеря и базы боевиков хоть бы одну бомбу сбросили! Берегли – их. Зато у чеченцев, против Дудаева воевавших, оружие изымали подчистую.

Чем дальше углублялись в Чечню, тем мягче становились зачистки. Оружие, на которое имелось разрешение, оставляли владельцам (ох, и постреляет оно ещё в спины нам!), а у иных и вовсе пропуску лишь проверяли и только...

К Грозному шли быстро, в темпе хорошем, но уже в начале штурма его, как гром среди ясного неба, пришло известие: перемирие! И похолодело всё внутри у Курамшина. Сколько перемирий таких в ту войну было! Только прижмёшь гадину – и приказ: стоять! И закончилось одно из таких перемирий Буденовском. Неужели повторяется всё?.. Нельзя, нельзя сбавлять темп! Нельзя давать врагу продыху! Это ещё генерал Барятинский, с Шамилём воевавший, понял!

Но остановились. Рождество, Рамадан – трогательный повод. А кто-то кровью своей платить за этот повод будет опять.

Замер капитан в ожидании: чем-то кончится? И, вот, 9-го числа пошли опять абреки. Да не группами рассеянными, а колонными целыми! Записали англичане, как весело и открыто длинными двумя колоннами вошли боевики в Аргун... И мальчишек наших убили там. Да ещё записали это, а наши и показали. На всю страну...

И снова пришлось занимать пункты уже прежде занятые и зачищенные. И, как в угаре, мчался Валерий в самые напряжённые районы: не упустить ничего! Самому побывать! Своими глазами увидеть, на чужие не полагаясь, зафиксировать!

Будто бы и не было нас в сёлах этих... Будто бы не только днями зачистили их... Какой-то нескончаемый процесс. Откуда-то оружие появлялось в количествах изумляющих (видать, здесь «по мягкому варианту» зачищали: «предъявите прописку, гражданин! – вот, и расхлёбываем – не расхлебать!»)

За освобождение Аргуна (два месяца назад освобождённого!) заплатили четырнадцатью солдатскими жизнями...

С каждым днём всё мрачнее становился Курамшин, всё больше сомнений и подозрений жгло душу калёным железом... А Грозный стоял крепостью нерушимой под огнём российской авиации. А ведь там – и наши же остались! Между двух огней...

В Грозный и на этот раз вошёл Валерий одним из первых. И сразу бросились в глаза огромные надписи на искорёженных бомбёжками домах: «Здесь живут люди!» – вопль тысяч отчаявшихся, замерзавших в тёмных подвалах родных домов. И среди них – и теперь ещё – сколько русских было. Грозный – столица Чечни – русский город, русская крепость...

Выбирались из-под земли люди с землистыми лицами, истощённые, с глазами блуждающими, кормили их при походных кухнях, раненых и больных в полевые госпитали вели, везли... Куда теперь этих людей, в одночасье беженцами ставших?

На руинах одного из домов рылась старуха в изорванном пальто и обмотках на ногах. Дрожащими руками достала чашку, чудом уцелевшую, засмеялась радостно: «Нашла, нашла! Моя, моя!» Сколько же искалеченных судеб оставит эта проклятая война! Кем была эта обезумевшая русская старуха прежде? Что довелось пережить за эти годы в сердце Чечни? Были ли родные у неё, и что с ними стало?

Где-то слышались ещё пулемётные и автоматные очереди. Как притупляет война чувство смерти... Вот, застрекотало вновь, рядом совсем: может, погиб кто-то. И не вздрагиваешь от того. А, впрочем, разве не притупилось это чувство в обществе, смертью и насилием последние годы питаемом, в детях, жестокостью вскормленных? Привыкли к смерти и ужасу. К чужим. До тех пор привыкли, пока этот ужас не постучит к нам. К каждому. В каждую дверь, казалось, такую прочную, на много замков запертую, от всего, что где-то там отгораживающую. Когда постучит, то вдруг выясняется, что ужас этот близок и страшен. Только отчего ж все ждут этого стука? Отчего не желают проснуться прежде?!

Мирные российские города! Для вас эта война чужая. Кроме тех, чьи близкие оказались в её котловане. Чужой была для вас и война минувшая, с вашего молчания или одобрения даже, преданная...

... Чуть более трёх лет назад, когда война была, вопреки всему, почти выиграна, большая часть войск была внезапно выведена из Грозного в Ханкалу и аэропорт «Северный». На весь город остались лишь комендатуры, насчитывающие до 30 человек и блокпосты ещё меньшей численности. И тогда в город почти беспрепятственно вошли боевики.

Однако, войдя, встретили они ожесточённое сопротивление со стороны этих комендатур и блокпостов, изолированных друг от друга и от основных войск, лишённых медицинской помощи, продовольствия и воды.

Целую неделю сражались они в нечеловеческих условиях. Теперь, снова находясь в Грозном, Валерий до секунды вспоминал те дни. Вспомнился лейтенант Заварзин, молодой совсем, едва из учебки. Был он тяжело ранен в грудь ещё в первые дни этого невообразимого боя.

«Воды, воды...» – слышался его слабый голос. Но воды не было, как не было и бинтов, а потому рану кое-как перевязали каким-то тряпками. Лейтенант бредил, и Валерий понимал, что спасти его уже не удастся. Если бы оказать помощь сразу, так, глядишь, выжил бы, а теперь... Когда ещё придёт эта помощь, будь она проклята! Если, вообще, придёт...

– Товарищ капитан, нас предали?.. – сорвался единственный вопрос с немеющих губ Заварзина, едва на мгновение отступил бред. – Вы, если выберетесь, матери скажите... – и оборвался голос лейтенанта.

– Всё скажу, Витька... Всё... – отозвался капитан. – Прорвёмся!

Но Заварзин уже не слышал его. Он снова бредил. Через несколько часов его не стало...

6-го августа боевики бросили все силы на железнодорожный вокзал и комплекс правительственных зданий в центре. Капитан Курамшин и его оставшиеся в живых бойцы обороняли вокзал, куда незадолго до этого прибыло (словно нарочно!) несколько вагонов с оружием и боеприпасами. Силы были настолько неравными, что думать всерьёз об удержании вокзала не приходилось. Валерий думал лишь о том, как вывести из окружения хотя бы часть своих бойцов, прорваться на соединения со своими. Подмога от основных сил так и не шла. И в этом грозненском котле с заблокированными русскими солдатами и офицерами бок о бок сражались лишь чеченские милиционеры и бойцы ОМОНа, помощь которых в тот момент оказалась просто бесценной. В том бою судьба свела Валерия с майором чеченской милиции Русланом Хамзаевым, сумевшему вывести из того капкана немало оказавшихся в нём бойцов. В Хамзаеве Курамшин сразу определил «своего», почувствовал некое своё с ним родство. Два решительных командира, два воина, служащих своей стране, верных своей присяге, уважаемых своими бойцами, они сразу прониклись безусловным доверием друг к другу, а это ой как важно на войне!

Самые кровопролитные бои развернулись у Дома правительства, при штурме которого боевиками был применён РПО «Шмель». Лишь тогда до измождённых бойцов дошла информация, что брошены, наконец, им на помощь колонны бронетехники из «Северного». А если бы их ещё несколько дней назад бросить?..

Удалось запеленговать переговоры боевиков: «У нас много раненых. Хватит, пора уходить». Жарко, значит, пришлось абрекам! Да и нам не холоднее...

Увидеть развязку того боя Валерию было не суждено. Что произошло тогда, он припоминал смутно. Грохотнул где-то взрыв, и разом всё потемнело в глазах капитана, лишь адскую боль в ногах почувствовал он. Тотчас тогда оказался с ним рядом Руслан:

– Держись, капитан! Подмога уже близко! Вытащим тебя!

И Валерий держался. Обрывки сознания сохранили ещё, как нёс его Руслан на себе, затем положил где-то:

– Свидимся ещё, капитан!

Последним, что видел Курамшин там, было лицо майора Хамзаева с рассечённой осколком щекой, из которой алой струёй лилась кровь.

Очнулся Валерий уже в госпитале. Очнулся без обеих ног. Но ещё страшнее было другое. За то время, пока лежал капитан без сознания, город Грозный, по сути, взятый вновь в те августовские дни, был сдан опять, а с ним украдена и вся победа, и 31-го августа генералом Лебедем в Хасавьюрте, название которого надолго станет теперь синонимом измены, подписана капитуляция, названная мирным соглашением. Победители подняли руки перед побеждёнными...

Солдаты писали на выводимых из Чечни танках: «Страна может быть не права, но не наша Родина», «Нас предали, но нас не победили» – а кто-то наверху уже делил дивиденды с предательства...

Справка

В ходе августовских боёв за Грозный, по данным Военной Прокуратуры, были убиты около 420, ранено 1300 и пропало без вести 120 российских военнослужащих.

Цитата

«Соглашение России и Масхадова – это предательство той части населения Чечни, которая боролась за Чечню в составе России...» М. Буавади, командир оперативного взвода чеченского ОМОНа.

Боль от предательства была для Валерия в разы нестерпимее боли физической. С малых лет Курамшин воспитывался в любви к своей Родине, в стойком понятии чести и долга, фундаментом заложенные в его душе ещё дедом, генерал-майором советской армии, профессором, прошедшим всю Войну. Дед был для Валерия примером, живым символом того, как следует жить, а потому сомнений при выборе профессии у него не было: конечно, быть военным, служить, защищать Родину. И в Чечню отправился он воевать за Родину. Да и за что же ещё? Не за те ведь почти унижительные четыреста тысяч, что составляли офицерское жалование! Не было для Курамшина слова более святого, нежели Родина. Вслед за Вадимом Роциным он мог бы сказать о себе: «Родина – это был я сам, большой и гордый человек...»

Но некогда большая Родина рассыпалась, а гордость её растоптали. Родина превратилась в преданную и поруганную калеку, как и сам Валерий. И не раны убивали его, а невыносимое чувство стыда за Родину, боли от её позора. Временами казалось, что куда лучше было бы умереть, нежели видеть всё это, что жизнь – самое жестокое наказание.

Но, как не могла Россия даже и теперь назваться и быть страной маленькой, так не мог стать маленьким человеком и капитан Курамшин. Внутренний стержень, заложенный некогда, врождённая привычка бороться до последнего заставляли жить.

Впрочем, может быть, всё могло сложиться и иначе, если бы с первых дней, сначала в Ростовском госпитале, а затем и в госпитале Бурденко в Москве, не было с ним рядом верящей в него и любящей души, ни на секунду не покидавшей его и не позволявшей сдаться, пасть духом, смириться...

На Ниночку Валерий никогда не обращал особого внимания. Да и какое могло быть внимание к младшей сестрёнке школьного товарища? Даже когда она повзрослела, то осталась для него маленькой девочкой. Между тем, сама Ниночка на приятеля друга заглядывалась ещё со школы, хотя он того и не замечал...

Лёжа в госпитале, Валерий ждал не её. Но та – не приходила. Той была его невеста. Настя. С нею они встречались уже два года. Красивая, весёлая аспирантка буквально покорила молодого капитана. Отец Насти был профессором, и дочь с ранних лет росла в научной среде, знала три иностранных языка... Иногда рядом с нею Курамшин чувствовал даже неловкость какую-то оттого, что не знал многого из того, о чём она говорила так свободно, со знанием дела...

В Ростовском госпитале Валерий ждал Настю и боялся её прихода. Придёт, увидит его искалеченным – каково-то будет ей? А если останется – из жалости лишь? Жалости (её жалости!) капитан бы не вынес. Но Настя не приезжала. Разлюбила? Забыла? Испугалась? Предала?.. Точили эти мысли душу Валерия. Вот, значит, цена её любви... «Ковыляй потихонечку, а меня ты забудь, зарастут твои ноженьки – проживёшь как-нибудь!» И должен прожить! Только – как?.. Ничего не было дороже Курамшину Родины и Насти... Родину – разорили. Любимая женщина – предала. И что осталось?..

...Первой, кого увидел Валерий, придя в себе, была сидевшая у его постели Ниночка. Оказывается, едва узнав о случившемся с ним, она, бросив все дела, примчалась в Ростов.

Ниночка как раз оканчивала мед-техникум, а потому ей разрешено было круглосуточно находиться при раненом.

Она почти не изменилась с тех школьных времён. Та же девочка-подросток, похожая на мальчишку. Маленькая, хрупкая, но при кажущейся хрупкости очень крепкая, спортивная (в школе бегала едва ли не быстрее всех), с лицом простым и стрижкой короткой – не дать, не взять парнишка! Только и изменилось за эти годы: очки маленькие появились на остром носе её. И смотрели из-под них чудные глаза – небольшие, неяркие, но до того тёплые, до того ясные!

Эта кроха, так вдруг в жизни Валерия появившаяся, на первых порах и дала ему тот необходимый заряд веры в себя, своей верой с щедростью поделилась. Часами просиживала Ниночка возле него, рассказывала что-то, читала вслух книги (никогда – газеты – от них вред один).

А ещё приходили старые товарищи, сослуживцы. Один из них, с которым в последнем бою были, рассказал, что вытащил капитана тогда майор Хамзаев. Чудом каким-то до своих дотянул. Сам Руслан жив-здоров. Кажется, теперь не то в Дагестане, не то Ингушетии. И хотелось Валерию поехать и отыскать майора того, руку пожать да поблагодарить его, да без ног – далеко ль уедешь?..

На протезах отечественных ходить – одно мучение. Что ж за страна такая?! Элементарной вещи сделать не могут по-человечески! А иностранные стоят столько, что и не мечтай! Сумму компенсации-то за потерянное здоровье и назвать стыдно: копейки жалкие... Так, вот, и государство родное, как героиня песни, как Настёна, сказало своему защитнику: «Ковыляй потихонечку, а меня ты забудь, зарастут твои ноженьки, проживёшь как-нибудь!» И надо прожить! Только – как? Нашло на Курамшина отчаяние. А Ниночка сказала тогда с твёрдостью (откуда в ней её столько было?):

– Ничего, Валера. Мересьев ходил, и ты пойдёшь. Ещё плясать будешь.

Ах, если бы во времена Мересьева жить! На той Войне здоровье и жизнь положить, но не на этой же позорной! Тогда «священная война» была, а теперь – что? Ради чего? Солдаты его гибли – ради чего? Сам он калекой остался – за что? Всё это – для чего было? Нет ответа на проклятые эти вопросы.

А Ниночка вопросами задаваться не любила, считая, что вопросы вредят только, отвлекают от дел насущных и в расстройство приводят. Она взялась за дело со свойственной ей энергией: написала письмо в газету с просьбой помочь собрать деньги на протезы для русского офицера. Письмо в газете напечатали, и потекли (точнее сказать, закапали) деньги на открытый счёт: с мира по нитки, по капле – кто-то и вовсе гроши присылал, сколь мог – но да набралась всё-таки нужная сумма.

Немецкие протезы не чета нашим. И на них учился Валерий ходить заново под руководством Ниночки. Такая маленькая была она рядом с ним, такая хрупкая, что страшно было и опереться на неё...

Через полгода никто, встретив Валерия, не подумал бы, что у этого человека нет ног. Тогда началось медленное возвращение капитана Курамшина в жизнь. И одно было ясно ему, что в этой новой жизни будет рядом с ним самый верный и любимый теперь человек – Ниночка.

На свадьбу пригласили лишь самых близких: боевых товарищей Валерия, кто выбраться смог, брата и близкую подругу невесты. Никаких пышных платьев, кортежей и прочей «чепухи», как выражалась Ниночка. Оба они не любили помпезности, уважая во всём простоту и открытость...

После свадьбы предстояло устраиваться в новой, пока непонятной до конца жизни. Впрочем, Ниночка устроилась и раньше: в госпитале Бурденко, где столько времени провела она с раненым капитаном, так привыкли к услужливой и сметливой девушке, у которой в руках буквально всё горело, что с радостью приняли «молодого специалиста» в штат.

Вся прежняя жизнь Валерия была подчинена службе. И даже теперь, после всего перенесённого, ни о чём так не мечтал он, как о том, чтобы вернуться в строй. Обращался он в родное военное ведомство с просьбой вновь принять его в ряды вооружённых сил, доказывая, что здоровье его вполне исправно, и служить он может не хуже других. Однако в этой просьбе капитану было отказано.

Чтобы не сидеть на шее у жены, Курамшин занялся частным извозом, благо стояла в гараже старая, ещё при жизни деда купленная «копейка». Ездил капитан по столице, скрежетал зубами: веселятся кругом, жируют, а то там, то здесь по разделительной полосе на инвалидных колясках, а то и на досках простых елозят молодые парнишки безногие, вчерашние солдаты, и просят подавания, потому что прожить на пенсию, государством положенную, нет физической возможности. Обливалось кровью сердце капитана: а ведь мог и он так же... От своих заработков небольших отдавал пацанам этим. Верно говорит пословица: «Велика милостыня в скудости». Пролетали мимо сияющие иномарки, везя чьи-то высокопоставленные туши – хоть бы одна остановилась! – пролетали, обливая грязью искалеченных солдат, как обливали раньше, там ещё, в переносном смысле – не эти ли, что проносятся теперь? Сплёвывал Курамшин, матерился сквозь зубы. Ехали раздолбанные, как у него, машины, везя чьи-то изорванные, кровоточащие, но живые же ещё души – и останавливались, подавали... И сам Валерий выходил из машины – и честь отдавал. И бывшие солдаты отдавали в ответ.

Один из них, безногий, однажды зимой, заметив на ногах Курамшина лёгкие летние ботинки, усмехнулся:

- Не холодно ногам-то, брат?
- А у меня ног нет, – отозвался Валерий.
- Как так?
- В Чечне оставил.
- Врёшь!

Курамшин поднял штанину, показал протез.

- Не фигу себе... – с уважением протянул парень. – А ты... А вы...
- Капитан Курамшин, – представился Валерий.
- Рядовой Бельченко, – даже выпрямился как-то в кресле своём.
- Бороться надо, рядовой, – сказал капитан, опустив ладонь на плечо солдата. – Мы с тобой войну прошли, так неужели теперь в мирной жизни подыхать?
- Да эта мирная жизнь войны хуже... – вздохнул Бельченко. – Честь имею, товарищ капитан.

И покатил, и покатил вдоль дороги...

А весной этого 1999-го года улыбнулась Курамшину удача. Удача эта предстала в лице полноватого мужичка с сияющей лысиной, чей автомобиль заглох на дороге, а потому вынужден он был воспользоваться услугами частного, коим оказался как раз капитан. Запыхавшийся пассажир оказался человеком общительным и разговорчивым, вдобавок, умеющим удивительным образом разговорить собеседника. Редко кому рассказывал Валерий о своих «приключениях», но тут, стоя в растянувшейся на несколько километров пробке, зачем-то поведал пассажиру свою историю...

Этим пассажиром оказался главный редактор крупной столичной газеты, писатель Евгений Александрович Швец. Евгений Александрович был профессионалом до мозга костей и, сталкиваясь с любым явлением или человеком, мгновенно просчитывал, может ли быть в нём какой-либо интерес для его газеты. Валерий заинтересовал его крайне.

Однако плоды этого интереса явились не сразу. Для созревания их потребовались августовские первые выстрелы в Дагестане. Тогда Швец пригласил Курамшина к себе и задал вопрос в лоб:

- Капитан, вы сегодня ещё хотели бы служить?

– Хотел бы, – не раздумывая, ответил Валерий.
– Отлично... Ну-с, вернуть вас в строй не в моей компетенции, а, вот, предложить вам интересную для вас работу я могу.

– Что за работа? – нахмурился Валерий.

– Хотите быть нашим военкором?

– Я, вообще-то, к бумагомаранию склонности никогда не питал...

– И что же? Зато вы будете там всё знать изнутри! И воспринимать вас там будут как своего, а не как столичного борзописца! Подумайте! Ведь сколько ерунды и небывальщины, и клеветы пишется об этой войне, об армии! А вы бы написали так, как есть, по-настоящему! Правду! – наседавал Евгений Александрович.

– Правду? – прищурился Курамшин. – А вы эту правду мою напечатаете?

– Если б не напечатали, я бы вас не приглашал.

Валерий подумал немного и ответил:

– Хорошо. Я согласен. Но только с условием: в том, что я буду писать, вы не измените ни единого слова, иначе я работать не стану.

– Само собой! Само собой! – энергично закивал Швец.

Узнав о решении мужа ехать военкором на войну, Ниночка только вздохнула:

– Я знала, что ты не усидишь... Ты только береги себя там, хорошо? А за меня не волнуйся... Я ведь сильная... Я тебя ждать буду. И дождусь... И, если что, сама за тобой поеду...

Она изо всех сил старалась выглядеть спокойной, но голос всё-таки предательски задрожал, и она резко отвернулась, смахивая набежавшую слезу.

И ещё раз подивился Валерий самообладанию жены. Спокойно и рассудительно помогла она собрать ему вещи, приготовила напоследок роскошный ужин, утром проводила на вокзал, перекрестила:

– Ну, с Богом, Валера! До встречи! – улыбнулась даже.

– До встречи, Дюймовочка, – улыбнулся капитан в ответ, пожимая руку жены и понимая, сколько боли и страха за него прячется сейчас за её бодрой улыбкой...

И, вот, снова Грозный... Грозный город Грозный... Вечером Валерий заглянул в одну из палаток полевого госпиталя. У печки-буржуйки на короточках сидел смертельно уставший врач и курил, отрешённо глядя на огонь. К печке была присоединена обычная медицинская капельница, что сразу заметил намётанным глазом Курамшин.

– Солярка? – спросил он.

Врач вздрогнул и обернулся:

– Так точно...

– Пожара не боитесь?

– Чёрт не выдаст, свинья не съест... Чем прикажете топить? Угля у начальства не допросишься. Чечен-дерево не горит ни хрена... Вот, капельницу с соляркой приспособили...

– Есть ящики из-под снарядов...

– Есть. Да их мало. И горят быстро. Такое топливо лучше беречь...

Врач был средних лет, с коротко стриженной бородой с проседью и усталыми глазами.

– А вы, собственно, по какому делу? – спросил он, грея руки у огня.

– Да без всякого дела. Не возражаете, если я тоже у вашего взрывоопасного обогревателя согреюсь?

– Да ради Бога, – махнул рукой доктор. – Я боялся, что вы раненый... Я уж трое суток на ногах. Хотел хотя бы немного дух перевести, а то ведь уже не соображаю сам, что делаю, и руки дрожат как с похмелья.

– Поспали бы часок...

– А вы пробовали спать после трёх суток бесконечных операций, вида чужих страданий, криков, развороченной плоти, крови, смертей? Я глаза закрываю, а пред ними лица... Нет, вначале нужно просто посидеть, успокоить нервы... А вы, простите, кто будете?

– Капитан Курамшин. Военный корреспондент. В прошлую компанию воевал здесь...

– Майор Рудаков, военный врач. Хирург. А по имени-отчеству как вас, капитан?

– Валерий Петрович.

– Сергей Алексеевич.

Доктор протянул руку, и Курамшин крепко пожал её и закурил тоже, опустившись на стоящий недалеко от печки ящик. Майор Рудаков был, кажется, рад неожиданному собеседнику. Видимо, очень хотелось для успокоения нервов поговорить с кем-то, выговориться.

– Вот уж не думал, что вынудит жизнь меня опять в этих краях огинаться, – произнёс Сергей Алексеевич.

– А что, приходилось уж? – поднял глаза Валерий, делая пометки в своём блокноте.

– Приходилось... В прошлую войну... А в 96-м в плен попал...

– Вот как?

– Да... А эти ублюдки мир подписали, отрапортовали, а про нас и позабыли. Покидали по аулам рабов и айда! Кому надо, пускай ищут... – доктор сплюнул, закурил очередную сигарету. – Мне-то повезло ещё... С профессией... Врачи-то они везде нужны. Всем. И абрекам тоже. Поэтому меня, ежели били, то интеллигентно, берегли, так сказать... А ещё знание нравов местных помогло. Как чувствовал, направляясь сюда, справки навёл... Полезная штука: знания! Особенно, в такой ситуации...

– Что же, вы их лечили?

– А как бы вы хотели? У меня, капитан, дома жена беременная оставалась, сын малолетний и больная мать. Тут чёрта рогатого лечить станешь – лишь бы вырваться...

– И как же удалось вам вырваться?

– Да, знаете, любопытная история... Можете записать себе... – Рудаков чуть усмехнулся. – Привезли меня однажды к какому-то их начальнику. Полевому командиру, что ли... Хворал он дуже. Осмотрел я его: операция нужна, иначе хана. «Оперируй!» – говорят. А я наглости набрался и отвечаю: «Только, если после того меня отпустите!» Ох, как они взъярились. Думал, прямо там на месте и кончат. Сказали, что если я работать не стану, так они меня на кусочки порежут. А я возьми да скажи: «Режьте! А он тогда подохнет. Потому что никто, кроме меня, ему не поможет!» Перетёрли они там что-то, короче, между собой. С болезным посоветались. Он рукой махнул: «Сделаешь всё как надо, отпущу!» И слово мне дал. Я, правда, ему не очень поверил, но хоть какая-то призрачная надежда... В общем, лечил я его на совесть. Кстати, грамотный шайтан оказался. В Москве учился. По-нашему говорит, что мы с вами. И обстановочка там не кислая была. Даже компьютер с выходом в Интернет...

– Круто! – хмыкнул Валерий.

– А вы что думаете, капитан? Это очень напрасно Степашин наш иронизировал: «Басаев с компьютером!» Ха-ха! Наши генералы и полканы с ноут-буками – это, конечно, «ха-ха», а у тех ребят всё есть! И компьютеры, и новейшие средства связи... Да всё у них есть! – доктор резко поднялся. – Это только у нас ни хрена нет! Даже дров нормальных!

Помолчали некоторое время, и Рудаков продолжил.

– Пациента моего все Хасаном звали. Пока я его лечил, мы с ним часто говорили. Уж не знаю, что за блажь на него нашла со мной разговаривать... Причём серьёзно так, откровенно... И даже, знаете, Валерий Петрович, иной раз очень тяжело мне становилось от этих его разговоров. В чём-то ведь он и прав был!

– И в чём же?

– Я, было, начал спорить с ним: какого чёрта их абреки над нашими стариками и женщинами издевались здесь? А он мне: «А зачем вы, русские, позволили свою страну развалить?»

Зачем нам оружие оставили? Зачем вы, русские, допустили, чтобы вами Гусинские и Березовские правили? Какие вы после этого русские?! Какая вы после этого Россия?!» И ведь он прав! Я, вот, что понял, капитан, после этих разговоров: они нам не депортации, не чего бы то ни было простить не могут, они нам нашей собственной слабости не могут простить, нашего же позора собственного. Они уважать нас перестали, презирать стали. За то что мы сами себя позволяем топтать... Они не видят сильной России, а теперешняя, насквозь прогнившая, продающаяся с молотка, сама себя забывшая, может вызывать только презрение, а презираемых давят... Сильных могут ненавидеть, но не могут не уважать. А слабых уважать нельзя, слабых можно только унижать, топтать, уничтожать... Понимаете, капитан? Вот, мы с ними воюем... А в тылу у нас мразь куда худшая... И сперва её бы раздавить, пока она нас снова не продала! А мы опять начинаем не с того...

Валерий слушал Рудакова, не перебивая. Ему безумно хотелось возразить врачу: теперь всё не то, теперь другая война, теперь власть меняется... Но словно язык к гортани прилип! Вспомнилось всё виденное по дороге в Грозный, вспомнились собственные сомнения и подозрения, острыми иглами исколовшие сердце... Перемирие это проклятое! Аргун... И не возразил капитан. Только голову опустил и взлохматил раздражённо волосы.

Рудаков снова опустил к огню и сказал тихо:

– А Хасан-то слово сдержал. Отпустил меня...

В палатку заглянула медсестра:

– Сергей Алексеевич, там раненых привезли...

– Иду, – вздохнул майор, поднимаясь. – До встречи, Валерий Петрович.

– Всего доброго, – отозвался Валерий, глядя исподлобья вслед уходящему врачу...

Справка

«Инструкция русским о чеченцах.

Мы не установим мира в Чечне, пока не научимся понимать чеченцев.

Чеченцы серьезно отличаются от русских по своей психологии и образу мыслей. Как и все горцы, они быстро зажигаются какой-нибудь идеей и также быстро остывают. В то же время образованные чеченцы очень хорошо осознают свою выгоду и действуют только исходя из нее. Показная горячность позволяет их расположить к себе русского, который видит перед собой правдолюбие, дружелюбие, готовность к самопожертвованию и т.д. За всем этим надо видеть практическую цель, которую ставит перед собой чеченец.

То, что кажется русскому противоречием, для чеченца таковым не является. Он может быть дружелюбен к тому, кого пять минут назад готов был убить. Он может ненавидеть того, с кем был совсем недавно в самых теплых отношениях. Разные системы ценностей приводят к тому, что мы считаем предательством то, что чеченцы определяют как ловкость и удача или умение вести дела с русскими.

В русских простые чеченцы видят, прежде всего, завоевателей, которые пришли на “землю их отцов”. Таковы последствия внедрения ложной исторической концепции о России – “тюрьме народов”, мифа о “200-летней войне с Россией”, а также бурного роста численности чеченцев в послевоенные годы, позволившего заселить равнинную территорию Чечни. Мы должны считаться с заблуждениями чеченцев и спокойно их опровергать.

Мы должны помнить, что русские связывают Чечню с мировой цивилизацией. Чечня не превращается в феодальное захолустье только потому, что связана с Россией. Это требует от русских людей, находящихся на территории Чечни осознания своей миссии. Мы должны понимать, что безграмотная речь, нецензурная брань, пьянство, неуважение к пожилым

людям и женщинам, показная грубость вызывают у чеченцев представления о том, что величие русской культуры – это обман. А от презрения до вражды – один шаг.

Также и к чеченцам не должно открыто проявляться враждебности, пренебрежения или неприязни.

Вражды между русскими и чеченцами и без того достаточно, чтобы дальше ее умножать. Поэтому в отношениях с гражданским населением Чечни требуется внимательный подход, учитывающий особенности чеченского характера, а также внимание к “мелочам” в собственном поведении русских военных и государственных служащих, которое формирует у чеченцев представление о русском человеке и России.

(...)

2. Проявление неуважения к чеченцам может быть связано как с плохим знанием русского языка, акцентом, внешним видом. Любое подчеркивание своего превосходства со стороны русского будет оценено чеченцем как повод, чтобы найти либо негативные проявления в поведении русских, либо признаки превосходства в поведении чеченцев. На месте чеченцев мы реагировали бы на унижение точно так же.

(...)

7. Гостеприимство чеченцев носит совсем не тот характер, который принят у русских. Гостеприимство может быть проявлено к совершенно незнакомому человеку, который может быть поражен радушием хозяев. Но это не означает установления каких-либо особых отношений, дружеских обязательств. Чтобы уберечь себя от внезапной ссоры и риска для собственной жизни, русскому необходимо осторожно относиться к многолюдным застольям и праздникам чеченцев, которые могут перерасти в серьезные столкновения.

(...)

9. Необходимо учитывать особенное отношение чеченцев к женщинам. Будучи сами достаточно грубы в отношении к женщинам своей семьи, чеченцы не терпят, когда также к ним относится кто-то посторонний. Попытки навязать “свободную любовь”, грубые домогательства, непристойности, сказанные в присутствии чеченских женщин – все это создает для чеченцев образ врага, который покушается на самое святое для чеченца – на их семью, род.

(...)

11. Чеченец, стремясь выглядеть перед собеседником достойно, часто преувеличивает свои достоинства и успехи. Причем, всегда верит в правдивость своих рассказов и реальность преувеличенных оценок. К этой черте необходимо относиться благосклонно, не оскорбляя ее иронией. Ведь и среди русских встречаются фантазеры. Не будучи образцами нравственного поведения, чеченцы очень внимательно следят за поведением русских, чтобы в случае какого-либо просчета со стороны последних, хотя бы мысленно констатировать свое моральное превосходство. Это касается сквернословия, пьянства, порнографии, бытовой нечистоплотности, богохульства.

12. Чеченец, не будучи сам глубоко религиозен, с уважением относится к верующим и сам не прочь подчеркнуть, что живет по законам аллаха. Чеченец с уважением отнесется не к разговорам о веротерпимости или истинности той или иной веры, а к проявлению живой веры у русских. Русский православный ритуал показывает чеченцам, что перед ними не завоеватели, а культурная нация, носитель одной из мировых религий.

13. Разрешенный на словах спор для чеченца не разрешен. Даже если участники поединка определили, что чеченец слабее, и соперники пожали друг другу руки, это не значит, что чеченец через секунду не бросится снова в драку. Поэтому не следует давать отдельному чеченцу демонстрировать свое превосходство в силе. В то же время, применение военной силы или силы правоохранительных мероприятий должно быть последовательным, без всякой снисходительности. Любое послабление будет расценено чеченцами как новый шанс испытать силу противника.

(...)

15. *Сила русского присутствия в Чечне – закон. Любое беззаконие, любая произвольная акция (даже если она никому не принесла ощутимого ущерба) будет обсуждаться среди чеченцев с преувеличениями и дополнительными выдумками. Поэтому каждая акция, связанная с ущемлением чеченцев, должна быть подкреплена определенным решением власти и, по возможности, документально оформлена. Чеченец должен видеть, что против него действует не частная воля, а закон. Помни, что каждый чеченец, которого ты своим неправильным поведением сделаешь врагом, может стать боевиком и за ним потянется цепь убийств и зверств. Пострадают невинные люди, да и сам ты можешь погибнуть. Задача русских в Чечне – научиться завоевывать себе друзей, пусть и не самых верных.*

(...)

17. *Попавшись в руки боевикам, необходимо всеми способами готовиться к освобождению. Если в условиях контроля боевиками практически всей территории Чечни побег был крайне опасен, то сегодня он может быть единственным выходом и спасением от смерти. Готовиться к побегу надо всячески усыпляя бдительность боевиков. Действовать нужно только наверняка.*

Всякий протест должен быть скрыт. Лучшее всего – за стеной молчания. Что говорят – делай, но не усердствуя, в меру своего состояния. Спрашивают – отвечай. Но односложно. Не следует вдаваться в дискуссии или откровенность.

Любые мольбы о пощаде, попытки задобрить боевиков лестью и услужливостью в равной мере могут возбудить в них жестокость. Такая же реакция может последовать при попытках взять высокомерный тон или высказать угрозу отмищения.

Важно уклониться от того, чтобы дать адрес своей семьи, родственников или друзей. Они могут стать объектом вымогательства и угроз. Если вынуждают, лучше дать неверный адрес». Андрей Савельев. «Чёрная книга Чеченской войны».

Глава 3. Настоящий мужчина

Справка

В 1991-1994 годах при попустительстве МВД в ЧР из колоний по всей России переправлялись нужные режиму Джохара Дудаева заключённые тюрем и лагерей. Грозненская прокуратура отпускала их, и они тотчас вливались в ряды бандформирований. Именно ими совершались самые страшные преступления, пытки и истязания, направленные, прежде всего, на русское население.

31 декабря 1994 из центральной тюрьмы Грозного были освобождены все уголовники, пожелавшие воевать против российских войск. Перед освобождением в беседах с заключёнными грозненской тюрьмы в пример приводились уголовники, ранее выпущенные из Наурской тюрьмы: «Они отлично воюют с русскими, того же мы ждем от вас».

- Пять кубиков...
- Большая кровопотеря...
- Крупнокалиберная пуля...
- Пээмовская...

Голоса сливались в какой-то растянутой, деформированный гул, то затихая, то становясь нестерпимо громкими. И также кружилось всё перед взором, расплывалось, то вдруг исчезая вовсе и погружаясь в темноту, то резко до боли выступая в глазах ... Наконец, из общего хаоса выделилось немолодое лицо мужчины в белой маске. Врач. Видны были лишь усталые глаза его, смотревшие поверх очков. Так и впился угасающим взглядом Сулим в это лицо, боясь, что и оно вот-вот растворится, смешается с остальной круговертью.

– Что?.. – хрипло выдавил плохо слушающимися губами, тела своего уже не чувствуя. – Конец?..

Доктор покачал головой, очки повыше на самые глаза надвинул (точно глаза спрятать хочет!):

- Ну, не так всё безнадежно... Ты парень крепкий. Выкарабкаешься...
- И глаза отвёл... Что-то сестре медицинской говорить стал...

По глазам этим отведённым, по голосу, будто стесняющемуся (не умеет врать этот уставший на всю оставшуюся жизнь доктор!), понял Сулим, что какие-то неведомые часы отсчитывают сейчас последние секунды его обидно короткой жизни, в которой он почти ничего не успел сделать, главного не успел – отомстить за отца...

Отец Сулима был обычным участковым милиционером в одном из селений центральной Чечни. Сулим хорошо помнил мирные годы своего детства. Со старшим братом Магометом ходил он работать в поле, по вечерам дед читал вслух сунны из Корана. Дед ещё ребёнком пережил депортацию, рос в Казахстане, а, когда стало можно, вернулся на родную землю. Впрочем, об том периоде своей жизни он говорил мало и неохотно...

Слава Аллаху, не дожил дед до кошмара 90-х годов, не узнал нового изгнания и отправился к праотцам с душой спокойной... Такой спокойной кончины не узнать теперь не только внукам, но ещё, может, и правнукам его...

Придя к власти, Джохар Дудаев освободил из тюрем множество уголовников, которые, естественно, с величайшей готовности встали под знамёна новой власти, разрешившей им законно заниматься тем, за что прежде их жестоко карали: грабить, убивать, насиловать.

Вышли из тюрем и те, кто оказался там не без «помощи» участкового Ахмеда Сулейманова. Первым делом новоявленные борцы за независимость Ичкерии, опьяневшие от вседозволенности, взялись сводить счёты с прежними обидчиками.

В дом Сулеймановых ворвались ночью. Отца расстреляли на глазах у жены и детей. Последним приказали под угрозой смерти незамедлительно покинуть Чечню, запретив взять с собой даже нехитрый скарб.

Дядя Сулима, Бувади Сулейманов, остался в Чечне, сражаясь в рядах антидудаевской оппозиции. Сам же он с матерью, старшим братом и двумя сёстрами уехал в Татарстан, где их приютили дальние родственники матери.

В Татарстане беженцев вначале приняли насторожённо. Бесчинствующие бандиты сделали всё для того, чтобы слово «чеченец» в российском обществе стало почти равнозначно слову «преступник». Однако вскоре отношения наладились. Сулим начал посещать школу, старшая сестра его вышла замуж и вскоре родила сына, названного в честь покойного отца Ахмедом.

После Хасавюрта дядя Бувади обосновался в Дагестане. И, когда в августе 1999-го вторглись в него боевики, тотчас вступил в ополчение. С началом войны дядя вышел на старых друзей по антидудаевской оппозиции и вступил в ряды батальона N. Вскоре к нему присоединился и приехавший из Татарстана племянник Магомед и его деверь Али-Хаджи...

Когда Магомед уезжал, Сулим, которому лишь на днях исполнилось восемнадцать, буквально умолял брата взять его с собой. Но Магомед был непреклонен:

– И на твой век войны хватит. А пока оставайся в доме за хозяина, мать и сестёр береги.

Мать и сестёр беречь, конечно, надо. Но и за отца отомстить тоже надо! Почему Магомед едет, а ему, Сулиму, придётся сидеть с женщинами? Точно за женский подол прячась?! Не пристало это настоящему мужчине!

Не сумев уговорить брата, осенью явился Сулим в военкомат с просьбой принять его в ряды российской армии и незамедлительно отправить в Чечню. Подготовки никакой проходить ему не надо. Какая подготовка? Он хоть теперь все нормативы выполнить и перевыполнить готов! Стрелять ещё мальчишкой выучился, когда отец жив был. Да и брат спуску не давал. Сулим был уверен, что главное попасть в Чечню, а там уж он найдёт брата и дядю, и те вынуждены будут принять его в батальон N.

В военкомате давно уже не встречали подобного рвения и, посоветовавшись, решили просьбу горячего парня удовлетворить: в конце концов, сам хочет человек ехать в это пекло – к чему ж мешать ему?

Матери и сёстрам о том, куда едет, Сулим не сказал. Наврал, что по делам в соседнюю Башкирию с друзьями. Первое письмо родным он написал, уже оказавшись в Чечне: «Всё в порядке. Воюю. Скоро найду Магомеда и дядю Бувади, и будем мы все вместе. Не волнуйтесь. Берегите себя. Ваш сын и брат, Сулим».

Быть рядовым Российской армии Сулиму не очень нравилось. Из всей роты, в которой выпало ему служить, крепко сдружился он только с вологжанином Артёмом, мечтавшим стать музыкантом и вечно слушавшим плеер с дисками, вставив маленький наушник в ухо. В музыке Сулим смыслил мало, но ему нравилась благодушие и весёлость Артёма, сочетавшаяся в нём с отвагой и большой ловкостью. Артём любил риск и всегда с готовностью брался за самые опасные поручения. Таким был и Сулим. За острый язык и чрезмерную, доходившую до безрассудства удаль Артём нередко получал нагоняи от начальства, но это же начальство считало его одним из лучших солдат.

Из командиров недолюбливал Сулим старшину их роты, прапорщика Чурбанова, прозванного Артёмом «ёкарным бабаем». Прапорщик не стеснялся в выражениях и, кажется, прикладывался к спиртному, что особенно раздражало Сулима. Антипатия эта была взаимной.

Как-то в сердцах Чурбанов назвал Сулима «басаевским шпионом». В ответ Сулим чуть было не набросился на него, но его удержал оказавшийся рядом Артём.

Так случилось, что по дороге на Грозной их рота проходила через родное село Сулима. С болью узнавал он родные края, разорённые войной, вглядывался внимательно, пытаясь отыскать отчий дом, но никак не мог найти. Здесь встретил Сулим старуху Зарему, жившую некогда по соседству с Сулеймановыми. Долго плакала она, похоронившая двух сыновей, узнав «сына Ахмеда». От неё узнал Сулим, что дом их сгорел, когда во время очередного боя попал в него снаряд...

Оказалось ещё, что, уходя из села, боевики заминировали поля вокруг него (те самые, некогда дававшие урожаи поля, на которых работали они с Магомедом ещё мальчишками!). Прежде чем продолжить путь взялись за разминирование.

Сапёр, молодой лейтенант, всегда сосредоточенный, методично обезвреживал обнаруженные фугасы. Он подчас пешком и впереди колонны шагал, проверяя, нет ли на пути растяжек. В тот раз было с ним несколько солдат (Артём и Сулим – как всегда, добровольцами) и старшина Чурбанов. Старшина, человек плотный, тяжело дышал и утирал пот с покрасневшего лица.

– Запрел «ёкарный бабай»! – усмехнулся Артём, наклонившись к уху Сулима.

– Разговорчики! – грозно рыкнул Чурбанов. – Вот же ж ёкарный бабай! Ходи тут... Дерьмо...

В этот момент Сулим заметил в траве прямо перед собой подозрительный свежевскопаный островок земли и остановился.

– Фугас! – заорал сзади Артём. – Сулим, отходи! Взорвётся! Назад все!

Сулим никогда не боялся смерти и не мог представить, что вдруг нападёт на него от близости её такой ступор, что и звука не издать, не шевельнуться – точно окаменел он. Вдруг кто-то с силой схватил его и отшвырнул в сторону. Сулим только и услышал:

– Щенок, ёкарный бабай!

А потом был взрыв...

Прапорщик Чурбанов погиб на месте. Сулим, которого отбросил он в последнюю секунду, отделался царапинами. Артём и сапёр не пострадали.

Вечером Сулим тихо спросил Артёма:

– А как нашего старшину звали?.. Он мне жизнь спас... Погиб из-за меня... А я только и помню: «ёкарный бабай»...

Артём шмыгнул носом, сглотнул ком и ответил глухим, чужим каким-то голосом:

– Андреем Фёдоровичем звали...

Сулим почувствовал, как кровь прилила к голове от стыда: как мог он испугаться этого фугаса?! Испугаться так, что и шевельнуться не смог?! И зачем, зачем оттолкнул его этот русский прапор (уже и гнев полыхнул в душе к нему за то, что спас, а сам погиб геройски)? Лучше б уж было Сулиму погибнуть... А теперь никогда не избавиться от проклятого чувства стыда за то, что он испугался, повёл себя не как мужчина... И пусть родные о том никогда не узнают, но ему самому не забыть никогда.

...Военного Грозного Сулим не видел. Этот город помнил он ещё мирным. Сюда несколько раз приезжали Сулеймановы на праздники и в гости к другу отца, кажется, тоже погибшему... Или без вести канувшему... Кто разберёт теперь? Помнится, жена у того друга была русской... Жива ли? Нет, вряд ли... С тоской смотрел Сулим на разрушенный бомбёжками город. А каким он был когда-то! Ездили по улицам автомобили, ходили мирные люди с ясными лицами. Чеченцы и русские жили в согласии в этом городе. И кто бы мог предположить, в какой кошмар всё обратится, спустя какие-то несколько лет! Почему могло случиться такое? Какой злой дух отравил душу народа, посеял семена взаимной ненависти, породил братоубийственную эту войну, от которой сколько ещё раны зализывать!

Уже и февраль на дворе! А на окраинах Грозного ещё не стихли бои. Ещё держится укрепленный Заводской район. Но это – дело времени теперь. Остальной-то город освобождён, наконец... Кончится война, отстроится он заново и будет опять таким же мирным, как в те далёкие (точно и небывалые) дни...

Когда-то на площади «Минутка» было кафе. В нём как-то сидели они с отцом и сестрой Фатимой. Сулиму тогда было лет шесть... Отец был ещё молод, весел... Сулим тогда ударился обо что-то, захныкал, и отец тотчас нахмурился:

– Настоящий мужчина стойко переносит боль. Не позорь меня. Ведь ты мужчина, Сулим?

– Да, отец, – ответил Сулим, мгновенно успокоившись. – Мне и не больно вовсе. Просто в глаз попало что-то.

Отец довольно улыбнулся, потрепал сына по голове:

– Правильно, Сулим! Ты настоящий мужчина!

Как наяву вспомнилась теперь эта сцена... И теперь он даже боли не почувствовал в первый момент. Только вдруг ударило что-то между рёбер, как огнём прожгло...

– Сулим! Сулим! – раздался вскрик Артёма, показавшийся неожиданно очень далёким...

Тут только Сулим понял, что лежит на земле, тут только почувствовал пронзительную боль в груди, почувствовал, что ни рукой, ни ногой шевельнуть не может... Перед глазами заплясали разноцветные искры. Сулим закусил губу, чтобы не застонать от дикой боли... «Мне и не больно вовсе...» – «Правильно, Сулим! Ты настоящий мужчина!» Так и слышался в ушах голос отца...

И вот, кажется, последнее пристанище, которое суждено ему увидеть ещё своими глазами... Полевой госпиталь... Запах спирта и крови... Русский врач, лица которого невидно из-за маски, его усталые глаза под очками...

– Позвонок раздроблен...

– Артерия...

И потонуло всё в сплошном гуле... А следом и лицо доктора, за которое так цеплялся последним взором умирающий Сулим, исчезло во мраке... Бедная мать... Она точно предчувствовала...

Глава 4. Генерал Булыгин

Хроника

В ночь с 28-го на 29-е января 2000-го года около 1000 боевиков во главе с Шамилем Басаевым, Лечей Дудаевым, Хункарпашой Исрапиловым и др., двигаясь из Грозного к Алхан-Кале (Ермоловке), попали в засаду на мосту через Сунжу. В результате, погибло более половины боевиков: в том числе, Леча Дудаев и Исрапилов. Басаев потерял ногу, но сумел выбраться из «котла».

04.02.00. Принято решение о подготовке к выводу из Чечни значительной части федеральных войск.

06.02.00. Освобождён последний район Грозного – Заводской.

08.02.00. И.О. президента В. Путин заявляет о достигнутом переломе в ходе контртеррористической операции в Чечне. Сергей Ястржембский сообщает, что активная общевойсковая операция сменяется действиями сил МВД.

Аж в глазах потемнело, и кровь к голове прилила. Да что они там, мать их за ногу, совсем ум потеряли?! Мало перемирия этого гребаного было (сколько пацанов зазря положили!), так теперь уже и войска выводить! Ещё Грозный едва взяли (а они подмахнули, когда ещё и Заводской стоял), а уже – назад! Так же и в апреле 95-го Грачёв, гореть ему в пекле, на голубом глазу чесал об окончании военного этапа спецоперации. Сукины дети! Вас-то нет здесь! А вас бы сюда, сюда, прямо в чистилище это, чтобы мало не показалось, чтобы на шкурах своих дублённых всё ощутили! Сидят там в высоких кабинетах, задниц от кресел не отдирая, и бумажки пишут! А здесь – война! Да чтоб их там всех разорвало...

Расстегнул Булыгин ворот, мясистую шею вдруг сдавивший так, что и не вздохнуть. А, может, ошибка? Одумаются ещё? Нет, пустая надежда... Кабы что путное решили, так зараз передумать бы могли (добрую команду получил: спеша исполнять – пока не передумали), а неделю делать у нас завсегда – петухом скакать. Быстрее, быстрее, быстрее... И армию в 96-м выводили – быстрее! Всё забывали: людей, технику – быстрее! Куда гонят?! Не годится спешка в таких делах. Не блох же ловим! Эх, теперь бы пойти в эти высокие кабинеты, высказать им всё это, вдолбить! Да словес они, пожалуй, что и не разумеют. Так во лбы их забубенные – кулаком – вдарить – чтобы до самых кишок дошло!

А на днях ещё одно расстройство вышло. Жители местные жаловаться вздумали. Тоже твари хорошие... У самих родственники по горам шастают, наших пацанов постреливают да взрывают, а они строят из себя невинных овец. У них, видите ли, две коровы пропали... Ну, был, был грех. «Оскоромились» солдаты. А что с них взять? Жрать-то охота! Так ведь выдали этим «мирным жителям» (мирным ли?) в качестве компенсации консервов несколько ящиков, извинились, помощь оказали в восстановлении их села... Какого лешего надо ещё?!

А тут комиссия из Москвы приключилась, язвить её в душу. И они тотчас к ней. И не о коровах! А о том, что у них якобы люди исчезают... Да уж, заметили, исчезают: в горы с автоматами – бывшие болевые, раненые, которых мы так интеллигентно не решаемся поднять с койки, а терпеливо дожидаемся, когда они подлечатся и поднимутся сами – поднимались и дёру давали. Так в одном селе добрый десяток абреков упустили. А тронь-ка их! Раненых! Московские мразезащитники такой гвалт поднимут, что не равён час тебя же под суд отда-

дут! И смотри на всё это! И делай вид, что нормально всё! А потом ребят своих грузом 200 домой провожай! А потом матерям их в глаза смотри! Может, те выпущенные абреки и среза-ли сыновей их... А он, генерал, выходит, виноват... Как мог бандитов отпустить? Неужели не понимал?..

Люди исчезают... Всех бы вас зачистить, чтобы мало не показалось... Цацкаемся! А ещё, де, обворовывают военные их постоянно! Кроме того случая с коровами ничего подобного не было. А уж тот инцидент исчерпан. И виновные наказание понесли (несильное, конечно), и потерпевшим всё возместили... Ан нет! Мало! Что за характер такой подлый!

А московские «гастролёры» со вниманием слушали, а те (засранцы!), вниманием обнадё-женные пошли сочинять! Роман в трёх частях! Ещё говорят, будто русские приврать любят... Собрались местные старички, рассказывали про какие-то пытки, ямы... Чёрт знает что несли! На ходу сочиняли!

А комиссия внимала. А в ней: мразезащитники, представители штаба (известного рода фрукты), следователи военной прокуратуры... И все ведут себя, как начальство высокое! Точно он, боевой генерал, подчинённый им! И такой разнос учинили! «Будем карать подобные проявления!» Да ты докажи сначала, что они место имели! Что не врут эти «агнцы» недоби-тые... Но им и доказывать не нужно! Не для того они такой длинный путь проделали и ещё журналистов с собой притащили. А для обратного как раз! Публичную порку устроить! Пока-зать, как славно борются они со злоупотреблениями в армии и о мирном населении заботятся! Вылили ушат помоев на головы офицеров, несколько месяцев кровью и потом своими эту кля-тую землю удобряющих, показали армии место её, оплевали в газетах и с голубых экранов и покатали в Москву, довольные, к семьям своим, в тёплые кабинеты, в квартиры с ваннами, а с грязью смешанные офицеры и солдаты остались. Воевать. За что, спрашивается? Защищать. Кого, спрашивается?

Следователь, с видом великой своей значимости (звёздочки-то майорские только полу-чил – догадался Булыгин), перед отъездом ещё и давнишнее припомнил: зачем это генерал отдал приказ артиллерии утюжить мирное село? Стал объяснять Булыгин, с трудом сдержива-ясь:

– В таких «мирных сёлах», подполковник, знаешь, сколько моих бойцов снайперы сняли?

– Но ведь там женщины и старики были! Малолетние дети! Ведь среди них жертвы, в итоге, были! – закипятился следователь, и штабист, рядом стоящий, головой закивал в знак согласия (он-то понимает, что нельзя воевать «такими методами»).

– А мои бойцы тоже чьи-то дети, – резко ответил генерал. – И, чтобы их матери не умерли от горя, я эти сёла сожгу дотла, если понадобится! Я за своих подчинённых ответственность несу, а не вы! Вам-то что! Вам их не хоронить и матерям их в глаза не смотреть! Здесь война, майор, а не интеллигентная прогулка!

– Вы воюете с мирным населением!

– Желаете занять моё место?! – побагровел Булыгин. – Вы сейчас в Москву уедете, а мне этот бардак расхлёбывать!

– Если ещё раз повторится подобное...

– Да идите вы!.. – отпустил здесь тираду непечатную и ушёл, ответа не дожидаясь. Три-фонов потом извинения «гастролёрам» приносил, объяснял, что у его командира нервы после долгих боёв сдали. Что и говорить, умел Витька подход найти ко всем! В дипломаты бы ему... Утряс всё, замаял.

А «жалобщики» притихли сразу. Без московских «друзей» они не борзеют. Работают только на публику. Артисты грёбанные, чтоб их всех... А подумали эти гастролёры заезжие, с каким чувством остаётся офицер служить после того, как их походя с дерьмом смешали (в которой раз уже! – чудо, что кто-то ещё служит!), с каким чувством будет он смотреть и на «мирных» этих жителей?..

С последними и так проблем выше крыше. Во многом оттого, что офицеры и солдаты не имеют ни малейшего представления о традициях, обычаях местных, а потому часто попадают в неудобные и неприятные ситуации, заканчивающиеся иной раз конфликтами, а то и чем похуже. Генерал Булыгин, нравы местные зная хорошо, решил исправить положение и для своих бойцов приказал памятку небольшую выпустить. Бойцам на заметку.

– Не допускайте критических высказываний по поводу ислама.

– Не входите в мечеть в обуви.

– Не предлагайте местному населению алкоголь и свинину.

– Не допускайте в общении с мусульманами ругательств, особенно нецензурных, в которых бы фигурировала мать или родственница того, кому это ругательство адресовано.

– Не допускайте проявления неуважения к старейшинам. Помните, их слово беспреколочно и именно в их руках находится реальная власть.

– Не изображайте людей и животных в присутствии мусульман. Ислам запрещает это делать.

– Не допускайте неуважения к главе семейства.

– Во время трапезы среди мусульман не передавайте блюда и кушанья левой рукой. Делайте это правой.

– Помните, цвет траура на Кавказе – белый.

– Нельзя появляться перед женщинами-мусульманками в полубнаженном или обнаженном виде.

– Самое сильное оскорбление для мусульманина – сказать: "Ты не мужчина!"

Позже аналогичные памятки стали появляться и в других частях...

От нахлынувшего гнева задолбило висок. Эх, и расстраивает же нервы эта война. Да ладно бы война... Три четверти сил не на неё уходят, а на борьбу с крысами тыловыми, от которых продыху нет... Вон, и сердчишко пошаливать стало. А ведь не так много лет генералу. Пятьдесят семь лет недавно стукнуло. Юбилей... И встретил его Булыгин на подступах к Грозному. Только на другой день и вспомнил о круглой дате... Да и не сам вспомнил: начштаба и друг старинный Витька Трифонов бутылку коньяка дорогого презентовал. Кстати, и распить ещё не успели в круговерти этой... А ну как теперь? С горя? Заодно и душу излить... Кому ж ещё, как не Трифонову? Кто лучше его поймёт?

Трифонов явился на зов незамедлительно. Каждый раз при взгляде на старого друга Булыгин отмечал, что сильно сдал в сравнении с ним. Обрюзг как-то, постарел, лысина во всю голову сверкает... А Трифонов и теперь сухопарый, подтянутый, волосы, сединой тронутые, назад зачёсаны...

– Ну, что скажешь, Петрович? – мрачно спросил Булыгин, не оканчивая вопроса – и так ясно, о чём.

– Дерьмово всё, Митрич... – процедил Трифонов. – Они или идиоты...

– Или? – пытливо впился генерал в своего заместителя.

– Или кинуть нас решили, как в тот раз! – не сказал даже, а выдохнул друг старый то, о чём всё утро думал сам Булыгин и произнести сам боялся. Нет, не может быть! Сейчас всё-таки дело иное! На Новый Год и Елькин подарок сделал: оставил президентство. А И.О., хоть и из «конторы», вроде мужик приличный, сильный, дельный. И приезжал же сюда... Нет, не может он предать! Не может! Не той он породы, не той закваски, чтобы сдать так просто, чтоб на такую подлость пойти... Что же, ложью все его заявления были? Нет, не может быть... Значит, есть причины... Значит... Да ничего это не значит!

– Петрович, но надо же делать что-то... Но не дураки же мы, не кутята слепые, чтобы топили нас! Неужели так и проглотим опять?..

– Наше дело, Митрич, приказы выполнять, – ответил Трифонов, шнурок какой-то в руках комкая нервно.

– А если приказы..?

– А разве не выполняли и таких..?

– Но сколько же можно?! Да каких пор какие-то сволочи меня, боевого генерала, будут козлом отпущения делать и палачом собственных солдат?!

– Митрич, ты из армии увольняться не собираешься?

Булыгин опустил голову. Прав, тысячу раз был прав Витька Трифонов. Пока он в системе, будут его использовать... А не быть в этой системе он не может. Права не имеет уйти из неё. Потому что, даже безумный приказ выполняя, он, дело своё зная и долг помня, солдат своих беречь будет, насколько это будет возможно, угрём выворачиваться станет, чтобы как можно больше из них живыми домой пришли. А другой на его место придёт и ради лишнего ордена, ради удовлетворения амбиций своих будет этих солдат, тот же приказ выполняя, под огонь гнать, нисколько не печалась, сколько из них живыми останется, и головы своей не утруждая тем, как потери минимизировать... Разве не знал он в прошлый штурм Грозного, что преступно было пацанов необстрелянных в эту бойню посылать? Знал. И приказ исполнял. А другой кто, его же исполняя, втрое больше людей положил бы там... И что же лучше? Не мараться исполнением таких приказов и представить это другим или всё-таки исполнять, на своём (немалом всё-таки) уровне стараясь исправить то, что ещё возможно? Где больше чести? Для себя решил этот вопрос Георгий Дмитриевич: если хоть несколько жизней удалось сберечь ему, значит, не зря тянет он ляжку, ломая себя и за голову хватаясь от идущих сверху безрассудных приказов...

– Давай выпьем, – хмуро предложил он Трифонову, доставая флягу, куда загодя перелил коньяк. – Тошно что-то...

– Наливай, – кивнул начштаба умной, всё понимающей головой. – За тех, кого уже с нами нет, за тех, кто ещё в строю, за нас...

– За всех офицеров и солдат, которые долгу и чести не изменяли, несмотря ни на что, за всех верных! – добавил Булыгин, поднимаясь грузно.

От выпитого коньяка размяк несколько комков нервов, внутри собравшийся, и даже висок долбить перестало почти. Вспомнилась жена Люба, с которой недавно серебряную свадьбу отмечали (а дотянуть бы до золотой – вот, погуляли бы!), дочери: Шурочка, младшая, из которой, Бог даст, хорошая художница выйдет, и старшая, Маруся, недавно вышедшая замуж и теперь нянчившая сына, его, Булыгина, внука. Всю жизнь мечтал Георгий Дмитриевич о сыне, но не случилось: теперь хоть с внуком бы повозиться. Да когда тут... С войной этой... Последний раз видел Матвейку, когда он только сидеть научился и первые слова сказать пытался... А с тех пор уж сколько времени прошло! Последний раз говорил с женой днями: рассказывала, что внук уже ходит, первые свои слова произносит... А он-то всё это пропустил опять! Как пропустил первые шаги обеих дочерей. Тогда тоже война была. Афганская. Любаша о нём в ту пору месяцами не знала ничего. Только приедет кто-нибудь из сослуживцев, передаст короткое: «Люблю. Береги девочек. Скоро вернусь!» – и всё! Приезжал Булыгин из командировок, усталый, ожесточённый – и неслись ему навстречу, друг друга обгоняя Маруся с Шурочкой: «Папа! Папа!» И разом камень с души сваливался: здравствуй, дом родной, тыл мой надёжный! А теперь вернёшься – внук, пади, деда и не признает. Да и дочурки уже не выскочат встречать. Взрослые стали, сдержанные. Свои дела у них, о которых отцу и не рассказывают. Маруся о своём замужестве сообщила за несколько дней до оногo. Просто перед фактом поставила. Заодно, между делом, как о чём-то мало значительном, обмолвилась, что беременная... Не равён час и младшая сюрприз преподнесёт. А она и ещё более непутёвая... Сорви-голова, а не девчонка... И не подступишься к ним, не подойдёшь, как раньше. И поговорить не получается. Говорят они на своём каком-то языке, что и не поймёшь, о чём, о ком... Выросли дочери, а Булыгин и не заметил... Вот, и внук теперь без него растёт... И жаль было того генералу, и хотелось приехать домой, внука на руки схватить, расцеловать в щёки румяные... Он-то

в отличие от дочерей не забурчит: «Щетина колючая!» Вот, подрастёт: поедут они на дачу, будут вместе на рыбалку ходить, за грибами... Тогда уж и пенсия как раз... Служить-то всего три года осталось... Вот, тогда и зажить с Любашей на даче! На земле поработать! На звёзды посмотреть! Как давно мечтали... Ведь он родился в деревне. И родители его, и деды-прадеды – все крестьянами были... А Булыгин, в тяжёлый военный 43-й на свет появившийся, выбрал первым, кажется, в роду, военную стезю. А только всю жизнь потом тянуло его к земле. Даже и в этом бандитском логове, на поля, взрывами разрытые, глядя, горевал генерал: на них бы хлеб растить, а не воевать...

Задрезжал противно телефон. Булыгин убрал фляжку, снял трубку и знаком велел Трифонову остаться, гаркнул приветственно:

– Генерал Булыгин слушает!

...Ах, ещё беда на нашу голову! Делегацию Совета Европы чёрт к нам несёт. Принимай, Георгий Дмитриевич! В гробу он всех этих господ лощёных видел... Пускают ещё козлов в огород... Тьфу ты, Господи! И что ж за позорище такое нескончаемое?..

Глава 5. «Гастролёры»

Хроника

Январь 2000-го года. На встрече с делегацией ПАСЕ В. Путин поддерживает идею лорда Рассела-Джонстона о желательности присутствия международных наблюдателей в Чечне.

Цитата

«...Масштаб российского военного вмешательства в Чечне не может быть оправдан как чистая антитеррористическая операция. Комитет, полностью осуждая террористические акты и попрание прав человека и международных гуманитарных законов, совершённых чеченскими бойцами, осуждает максимально жёстким образом (выделено мной – Е.С.) непропорциональное использование силы российскими федеральными войсками...» Из заключения юридического комитета Совета Европы, представленное депутатом от ФРГ Рудольфом Биндигом.

Цитата

«Нужно любого русского, который попадет в руки, резать и топтать. И получать от этого удовольствие...» Аслан Масхадов. Февраль 2000.

«Вот ведь смотрит...» – почти с раздражением подумал Жаров, в которой раз ловя на себе тяжёлый взгляд плотного, невысокого генерала, утиравшего платком похожую на бильярдный шар лысину. «Принесла вас, дармоедов, сюда нелёгкая, будьте вы неладны!» – читалось в хмуром генеральском взгляде. И Жаров вполне понимал чувства генерала. И даже в большой мере разделял их. Но, чёрт возьми, мог бы и Булыгин понять... Можно подумать, что по своей воле приехал сюда Жаров, исключительно для собственного удовольствия и потехи! Можно подумать, что это он всей этой европейской швали и нашим «общечеловекам» разрешил здесь околачиваться, надзирать и мешать работе военных! Сам бы на порог не пустил...

Но не понимал этого Булыгин. Или не хотел понимать? Понимать и нужды не было...

«Притащил сюда этих мерзавцев на мою голову!»

Да не тащил же! У вас своя работа, у меня – своя! Вы своё дело делаете, товарищ генерал, а я – своё!

«Недело делаешь! И на чёрта вас, дармоедов, выбирают?..»

Да ведь я сам с вами солидарен! Да ведь я же в душе на вашей стороне! Да ведь я этих господ всех так же как и вы в гробу да в тапочках белых видел!

«Сидите там в своей Думе, избраннички, слуги народные, и народ объедаете, и законы принимаете такие, что головы вам поотрывать и то мало будет...»

Да не я ж их принимал!

«Сидите там все... Сытые, благополучные, холёные... Умные речи говорите! А вы бы сюда! На передовую бы! А издалека рассуждать – всегда просто! И плевать вам, умникам, на нас, в грязи, крови и свинце который месяц утопающих!»

Ничего из этого не говорил генерал вслух. Но все эти несказанные, а из души рвущиеся слова, как в книге с крупным шрифтом, читал Жаров в его взгляде и мысленно же оправды-

вался... А почему, собственно, вообще, должен он оправдываться? Не он затеял войну эту, и «надсмотрщиков» не он приглашал... А всё равно будто бы виноват чем-то...

«Вы же – власть! Что ж ни хрена не сделаете-то?! Только языком мелете...»

Какая власть? Да раз мандат есть, значит, уж и власть... Держи ответ! Какой толк от тебя? А перед генералом Булыгиным ответ и вовсе невозможно держать. Боевой генерал! Герой! А депутат, каких бы убеждений не был, всё равно перед ним «отдельной личностью» будет. Сколько не говори депутат, а воз с места не сдвинется... И какой прок? И какая ответственность?

Да разве Жарову по нраву это? Он бы с охотой как раз ответственность взял. Не боялся он её никогда, искал себе дела настоящего. И мандат ему нужен был лишь для того, чтобы делу подспорьем быть. И были же дела! С 90-х годов не было такой точки горячеей на карте бывшего Союза, где бы не побывал Юрий Викторович Жаров. И удавалось, удавалось же иной раз добиться каких-то подвижек, помочь конкретным людям, пленных освободить... Доводилось и самому в передрягах разных бывать... Но кого обманывать? Тот ли это масштаб? Масштаб явно мал был... Точно знал про себя Жаров, что мог бы он куда больше сделать, и своего звёздного часа ждал, да всё не приходил он... Где-то наверху тасовали причудливую колоду, но упорно извлекали из неё сплошь карты ничтожные, а то и джокеров просто, которых в колоде оказывалось отчего-то слишком много, что явственно говорило о том, что тасуют её шулера, и эти-то карты делали игру, а жаровская карта продолжала лежать в колоде... А, может, и в колоде не было её? Ведь если колода в руках у шулера, то все карты в ней – краплёные... Шулер извлекает лишь нужные для себя карты, и до той поры, пока это так, игру будут делать шестёрки и джокеры... И карты масти пик... И честной игры не будет, и ставки наши биты будут всегда...

В этот приезд, как и во все предыдущие, первой остановкой стал Моздок. Цель приезда делегации – знакомство с условиями быта беженцев.

В госпитале Моздока Жаров сразу же обратил внимание на довольно изрядное количество молодых чеченцев, проходивших лечение после ранений... Ещё будучи в Москве, встретился Юрий Викторович со старым, ещё по прошлой войне знакомым, военным контрразведчиком майором Горленковым. Рассказывал тот, что масхадовско-басаевское руководство республики разработало целую программу по стимулированию исхода беженцев с территории Чечни. Целью этой затеи было под видом беженцев на территорию Ингушетии, Северной Осетии, Ставропольского края и Дагестана переправить боевиков и их семьи, как для выполнения известного рода заданий, так и для того, чтобы просто перезимовать суровые времена.

– Вот, и думай, Юра, – мрачно говорил Горленков. – Перезимуют они у нас, на наших харчах, подлечатся, отдохнут, а весной, по зелёнке, снова за автоматы возьмутся и айда в горы! Нам же теперь палки в колёса вставляют... Дескать, мы беженцев незаконно задерживаем... Вяжут нам руки – не высвободить.

И всё-таки работала контрразведка. На каждом контрольно-пропускном пункте вдоль административной чеченской границы отслеживала поток беженцев, чтобы не пропустить бандитов, задерживали подозрительных и получали свою долю помоев от либеральной публики.

Но кто-то и просачивался... И, глядя на набиравших сил, бодрых уже вполне чеченцев, думал Жаров: не из тех ли?..

В лагере беженцев пробыли долго. Были здесь и чеченцы, и русские. На последних смотрел Юрий Викторович с особенной болью. Чеченцы, самоорганизованные, все родня друг другу, все друг друга ташат, устраиваются. Их взаимовыручке поучиться бы! Не то наши... Даже ведут себя различно совсем. Замордованные русские женщины с потускневшими глазами, всего и всех лишившиеся, любую помощь гуманитарную принимают с благодарностью...

– Спасибо! – а у самих слёзы на глазах.

За что благодарят?.. За эти крохи жалкие после всего, что отнято?.. У миграционной службы на беженцев денег нет. Помогают МЧС да Российский Красный Крест. Одежда привозят, еду какую-то, вещи б/у... И за них наши, с глазами, судьбе покорными:

– Спасибо!

От чеченок – не услышишь. Всё выхватывают и ещё бранят при этом. И теперь к комиссии не наши кинулись, а они. Точно цыганский табор. Со всех сторон хлынули. Закричали, замахали руками. А с ними и дети их... Сколько детей!

О, великие стратеги и тактики, как вы заблуждаетесь, рассуждая о сверхмощном оружии 21-го века! О том, что атомное или биологическое оружие – самое страшное! В 21-м веке самое страшное оружие – демографическое. И им-то нас без всякой войны победить легче лёгкого теперь...

В Моздоке – 70% русских, а с наплывом беженцев в больницах на 5 детей четверо чеченцев рождается... Это в войну-то! В лагере-то! Какой мощный инстинкт самосохранения работает! Уже сейчас потери войны этой – компенсировать...

А наши потери – кто компенсирует?..

Европейские «кураторы» слушали жалобы, записывали что-то. Услужливо вертелись вокруг них отечественные лизоблюды из журналистско-правозащитной братии. Нашёптывали. И тоже записывали, записывали... И с какого похмелья впустили их сюда?..

В каких жутких условиях живут чеченские беженцы (о русских не вспоминают, конечно)! Кривился Жаров. Жуткие условия? Правда, условия оставляют желать лучшего... Да только поехать бы вам, господа, в русскую глубинку. Там условия почище будут! Там полгода дороги размыты, и не привозят туда даже хлеба. Там о медпомощи уже забыли давным-давно. Там о газе не слышали даже. Там уже подчас и электричества нет. Главному энергетика нашему надо спасибо сказать. Нет, положи руку на сердце, не Басаева с Масхадовым, а своих мерзавцев в первую очередь следовало бы судить и к стенке ставить... Они и хуже даже террористов...

Даже среди гвалта собравшихся чеченок нет-нет, а прозвучит:

– Что вы с нами воюете? Вы вашего Березовского судите! Это он Басаеву деньги давал!

Ну, этого либеральные борзописцы в блокноты свои не внесут, разумеется. А, вот, брань в адрес войск федеральных – в обязательном порядке. И сами же домыслят ещё...

Затем летели на вертолёте над Чечнёй. Скоро потекут миллиарды на восстановление её! Половину в Москве разворуют. Половину оставшегося – здесь. А на четверть станут восстанавливать. Её, конечно, окажется мало, и будут слать ещё... Как в дыру чёрную. От этих денег бешеных хотя бы толику родной жаровской Тверской области! Да и другим среднерусским... Да на Дальний Восток замерзающий. Ведь чахнут, чахнут русские регионы, вымирают, а ни копейки им! А сюда – как в топку – миллиард за миллиардом!

А выскази-ка всё, за одну только эту поездку передуманное с экрана, заверещат-завоют: фашизм, ксенофобия, «раздавить гадину»!

Теперь, вот, генерал этот сверлит суровыми глазами из-под бровей нависших. Без того тошно...

Совещались между собой европейские парламентарии, записывали, головами кивали... Что ж, не нужно быть пророком, чтобы с точностью предречь: публичная порка на ближайшем заседании ПАСЕ нам обеспечена. Может, даже опять слова лишат. Хотя лучше бы вовсе вон прогнали. Деньги бы казённые целее были. Верх идиотизма платить за собственное унижение! Мазохизм какой-то. Нет, не выгонят. Какой же дурак будет им ещё платить такие деньги за членство? Нет предела человеческой глупости... И нет предела руководящей подлости...

Но, может, и придёт ещё просветление? Всё-таки теперь уже не 90-е годы. И риторика уже иная. И веет от неё робкой надеждой: а вдруг всё-таки начинается медленное отрезвление?..

И старался Жаров сам себя убедить в этом. А европейские «надзиратели» уже перед камерами давали первые комментарии:

– Нарушаются права человека... Федеральные силы не имеют права... Мы будем требовать...

И с задором каким клеймят! И счастливо подхватывают это журналисты, за тем только и ехавшие... А ты улыбайся им, ломай себя, балагань под кретина, подбирай слова, чтобы «и нашим, и вашим»... А иначе – как? Не может себе Жаров позволить роскоши всё в душе кипящее выплёскивать... Может, и новый президент (и.о. пока) – не может? Тоже ведь невозможно так сразу развернуть всё... Не осмотрелся ещё, не укрепился... Надо подождать, а там, глядишь, и начнёт он действовать в нужном русле... Быстро ведь ничего путного не происходит...

Вот, и закончена почти клятая и переклятая эта командировка. Уже у самого вертолётá вдруг остановил Жарова собственной персоной генерал Булыгин и, приблизившись вплотную, снизу вверх глазами воспалёнными впиваясь, произнёс:

– Слушайте, Юрий Викторович, ведь вы неглупый человек. Неужели вы не понимаете, что нельзя, нельзя воевать под надзором арбитра, играющего на стороне противника?! Нельзя воевать, когда стреляют в спину?! Неужели вы этого не понимаете?!

– Прекрасно понимаю.

– Так скажите же об этом в вашей чёртовой Думе! Моих бойцов убивают, а они вынуждены бояться лишний раз применить оружие: самих под суд отдадут! Это же не война, а позор!!!

– Я... всё, что в моих силах сделаю... – не находил Юрий Викторович слов нужных, куда-то исчезали они перед генеральским напором.

А Булыгин только рукой махнул:

– Все вы одинаковые... Как собаки...

– В каком смысле?

– Всё понимаете, только сделать ни хрена не можете! Прощайте!

– Прощайте, генерал.

Поднялся вертолёт ввысь и полетел назад, к Моздоку. Оттуда – на самолёте в Москву. Вот, и вся командировка... Ни в чём не был виноват Жаров перед генералом Булыгиным и его бойцами, а отчего-то так и грызло душу чувство вины, необъяснимое и неистребимое... «Всё понимаете, только сделать ни хрена не можете...» – как бичом полоснул генерал. Наступил со всей грузностью своей, сам того не зная, на большую жаровскую мозоль. И теперь та мозоль ныла, ныла...

Глава 6. Последнее пике

Справка

По данным Главной военной прокуратуры, общая исправность вертолётного парка армейской авиации Северо-Кавказского военного округа составляла менее 50%, боевых вертолётов – 53%, 80% вертолётов летает с агрегатами, у которых истекли сроки эксплуатации. «Независимая газета», 3-е ноября, 1999-го года.

По официальным данным за период с 1999 по 2004 год в чрезвычайных происшествиях погибло 235 человек (из них 56 членов экипажа и 179 пассажиров). Количество небоевых потерь неизвестно. Потеряно 63 летательных аппарата (29 Ми-8; 23 Ми-24; 2 Ми-26; 6 Су-25 и 3 Су-24).

Цитата

«Самая большая беда – морально и физически устаревает техника. В бедственном положении полки, вооружённые истребителями Су-27, – низка исправность по двигателям и выносной коробке агрегатов. Их нужно закупать. По окончании нынешних событий это станет приоритетной задачей». Главком ВВС РФ Анатолий Корнуков. «НВО», 19-е ноября 2000-го года.

– Вот, для всяких комиссий вертолёты всегда находят... А для своих – шиш... – привычно ворчал Мишка Губайдуллин, щуря на солнце раскосые глаза. – Что, неверно я говорю? Видал, какие у них вертолёты? Современные, новенькие. А у нас – что? Гробы с пропеллерами. Чудо, что, вообще, ещё летают... Ну, чего молчишь-то, Шибанов? Что, неверно я говорю?

Это привычка у Мишки была – в конце каждого утверждения переспрашивать: «Что, неверно я говорю?» Хотя и понятно, что говорит верно: кто бы спорить стал... Часто Шибанов поддерживал Мишку в его праведном гневе на начальство, но в этот день отчего-то не хотелось ни обличать никого, разворачивая незаживающие раны, ни спорить, ни вести разговоры в пользу бедных, от которых никому ни теплее, ни холоднее не станет...

Наступала весна, и Шибанов, как всегда остро, почувствовал её ещё на подступах. Весной родился он сам. Весной родился и старший сын его, Славка, в честь отца названный. И жена, Ксюша, тоже – весенняя. Такая, вот, весенняя семья. Дочурка, правда, запоздала немного: в первых числах июня появился на свет. Но тоже ведь весна почти!

Весну Сергей любил с самого детства, любил, когда таял снег, любил, когда небо становилось высоким, ярким, а по нему кружили птицы, любил, как от обморока зимнего пробуждалось всё и дышало полной грудью. Никогда и ни с чем не спутать особенный весенний дух, всё нутро вдруг наполняющий и толкающий тебя ввысь так, что кажется: были бы крылья – взлетел. Так бывает ещё, когда влюблён человек... Весна – великая любовь природы, толика которой каждому сердцу живому достаётся...

Даже в этих чужих, от родного севера бесконечно далёких краях весну не узнать нельзя. Здесь она, правда, приходит гораздо раньше. Тут и теперь уже солнце согревает, и под лучами его меньше всего хочется думать о том, что вокруг – война... И подольше бы обмануться этой мирной почти тишиной!

О том, что будет военным, Сергей знал ещё класса со второго и никак только не мог определиться, в какой род войск податься: в авиацию или во флот. О сухопутных он и не помышлял. Не тянула земля Шибанова, тесно и пресно было на ней. В равной степени влекли его две стихии: вода и небо. Две весенние стихии! В детстве по весне было у Сергея с приятелями два любимых развлечения: запуск воздушного змея и отправка самодельных кораблей в плавание по ручьям и речушкам. И разрывался Шибанов: и по морям ходить мечталось, капитаном дальнего плавания быть, и небеса бороздить, в самую вышину подняться, где стрижи кружат!

В шестнадцать лет Шибанов первый раз прыгнул с парашютом. И ни малейшего страха не было у него, а лишь восторг, разом его переполнивший. А всё-таки манило ещё и море...

Однако, сама судьба положила конец борьбе моря и неба в душе Сергея. Оказалось, что страдает он морской болезнью. Таким образом, решилось всё само собой, и Шибанов поступил в лётное училище.

В небе Сергей купался, как иные в океане. Небо – весна! Небо – любовь! В небо Шибанов был буквально влюблён. И только Ксюша, которой сделал он предложение на второй день знакомства, как авиационный налёт совершая, могла это первенство неба над всем прочим оспорить, не приземляя мужа, а всей душой поднимаясь за ним в его синюю бесконечность...

С развалом Союза пришли трудные времена. Топлива не было, самолёты месяцами не поднимались в небо, лётчики увольнялись. Шибанов, хоть майора только в минувшем году получил, а уж давно молодых учил, которых с каждым годом меньше приходило в авиацию... А и тех, что приходили, как учить? На чём учить? Когда топлива – нет? Объяснял на словах, жестами показывал, макеты сооружал... И схватывали ведь! И, дорвавшись до самолётов, взлетали! Если бы видели западные коллеги, как на лётном поле, где разваливаются самолёты, без топлива и ремонта стоящие, командир руками показывает подчинённым, как взлетать... Вот бы шок был у них! А ещё больший шок бы был, когда бы увидели, как после «тренировок» таких взлетают! Это наши только могут!

А всё-таки сказывался налёт этот мизерный. Учащались чрезвычайно ситуации, неопытностью пилотов молодых вызванные. Иногда и трагедиями завершались... Гибли люди, гибла техника... Авиация гибла. Армия... Россия... Щемило сердце у майора Шибанова, а что поделаешь? По вечерам извозом подрабатывал, по выходным чужие машины чинил, чтобы семью содержать... В какой стране это видано?

А Ксюша, душа золотая, сколько времени терпела. Раз лишь осторожно, словно извиняясь, спросила:

– Серёжа, может, тебе... уволиться?

И то сказать: жене и детям в глаза смотреть стыдно – грош с копейкой в кармане не сходится, квартиру так и не дало государство родное – вчетвером в однокомнатной жить приходится...

Из всего шибановского курса служить три человека остались. И уйти мог он с чистой совестью... Да и собрался даже однажды. Но вызвал к себе его генерал-майор Тарасов, под началом которого Сергей службу начинал:

– Что же, Серёжа, уходить собрался? Может, ещё подождёшь годик? Пойми, у нас ведь кадров почти не осталось... Кто молодёжь учить будет? Я понимаю: у тебя семья, и жить на что-то надо... Но ведь должен же кто-то служить! – и в этих словах последних столько боли прорвалось...

Генерал уже стар был. Два года оставалось ему до пенсии. Сам он за долгие годы службы ничего не нажил, гонора начальственного не было в нём ни капли. В части Тарасова не просто уважали и любили, но боготворили даже. Такие командиры – редкая удача для подчинённых.

Шибанов поднял голову. Генерал смотрел на него, сняв очки, испытующе, со смесью боли, просьбы, надежды и вины даже... Не приказывал Тарасов, не заклинал долгом и Родиной,

но этого и не нужно было. Понял Сергей, что рассчитывает на него генерал, что не смеет он, Шибанов, подвести своего командира, обмануть его доверия, и ответил нарочито бодро:

– Это слухи, Виталий Михайлович. Я вовсе не собираюсь увольняться.

Просветлело лицо генерала, разгладилось:

– Значит, остаёшься? – уточнил.

– Так точно, товарищ генерал-майор!

Ничего не сказал Тарасов в ответ, поднялся, подошёл вплотную, по плечу похлопал, по-отечески...

И продолжилась шибановская служба. А по выходным – подработки: там обои поклеил, здесь машину починил, там телевизор отремонтировал. Всё умел Сергей. Золотые руки. Он и дома у себя почти всё собственными руками мастерил. Тем паче, так и дешевле. Мал был дом, а всё в нём родное, во всё душа вложена... А под окнами вишня да черёмуха цвела... А поодаль – сирень... Вот-вот, должны зацвести они... Шибанов и предложение Ксюше делать пришёл, сирени той наломал охапку. Какая она была тогда, Ксюша! Не красавица, а будто бы небо чистое в майский день – светлая! С той поры пятнадцать лет прошло... Она теперь уже не такая, конечно... Не проходят годы бесследно. А всё-таки нет её дорожке, и не будет...

– Слушай, Шибанов, ты спустишься с небес на землю-то! – голос Губайдуллина над самым ухом. – О чём задумался?

– Да ни о чём, Миха... Просто жить хочется! Вдруг почувствовал: дико хочется жить!

– Чего это ты? – нахмурился Михаил.

– Да успокойся, – рассмеялся Шибанов. – Просто весну чувствую... В марте у меня день рождения. В апреле у Славки... В мае – у Ксюши. А потом – у Лильки... Хоть бы к последнему отпуск дали, что ли...

– Мда... Весна... «Зелёнка» того гляди начнётся...

Вот, она – война! Приходит весна, все о радостном чём-то думают, а тут первая мысль: «зелёнка». Прав Мишка. Повылазят теперь перезимовавшие «духи», и начнётся всё снова-здорово... Вот тебе и вся весна!

– Семечек хочешь?

Шибанов мотнул головой.

– Как хочешь, – Губайдуллин пожал плечами и стал лузгать сам.

Михаил тоже лётчик. Правда, пилотирует он не «сушки», как Сергей, а вертолёты. По нынешним временам, дело куда более опасное. Подбивают вертолёты часто, да и сами сыплются... Оттого и звереет майор Губайдуллин и злость свою срывает на каждом, кто под руку попадётся.

– Недавно «корову» в Моздок вёл, – рассказывал Михаил. – Народу набилось, как селёдок в бочке! Ты электрички в час-пик видел? Вот! Только это ж не электричка! А вертолёт! Не может он везти больше, чем положено по нормативу. Ведь и так техника на ладан дышит! Но им же – плевать! Все улететь хотят! А вертолёт не хва-та-ет! И набиваются! Летят – стоя! Взлетели с трудом. Я аж перекрестился мысленно. Ей-богу, Шибанов, думал, не долетим. И боевиков не надо. Просто не выдержит машина. Эти бы комиссии в таком вертолёте прокатить – враз бы ездить перестали... Долетели, слава Богу. На этот раз. А в следующий что будет? Рухнет такая махина – сколько разом народа всмятку! И всего-то надо: закупить хоть несколько новых! И ничего! Жди от собаки кулебяки! Ну, разве неверно я говорю?

А кто бы спорил... С «сушками» тоже напряжёнка. Правда, в отличие от «коров», «сушка», если разобьётся, то всего 2-3 жизни унесёт... А «корова» – и сотню... Но да утешение слабое. Обещало руководство несколько новых «Чёрных акул» прислать. Ждали, радовались! Не прислали. Арабские страны вступились за чеченских братьев и пригрозили какими-то санкциями, по слухам... Так это или не так, пёс знает, но факт остаётся фактом: «акулы» так и не «приплыли»... Воюй, как хочешь.

Наши и воюют. Не оружием, не техникой, а чудом каким-то. Духом, смекалкой... Видать, думают наверху, что у нашего солдата и палка в руках стрелять будет, и консервная банка проржавевшая летать... Если они, вообще, там думают о чём-то... О чём-то, конечно, думают. Только, вот, о чём?

– У моего бабая в Татарстане, в деревне – дом, стадо баранов, огород... Лучше баранов пасти, чем эту «корову»! – ругался, между тем, Губайдуллин. – Всё, закончится эта поганая война, уеду к бабаю. И гори всё синим пламенем!

Долго бы ещё мог говорить Михаил, если бы не вызвали Шибанова срочно к начальству. Разведка обнаружила передвижения боевиков в одном из горных районов. Было принято решение нанести удар с воздуха.

Прежде чем взлететь, достал Сергей всегда носимую с собой фотографию жены и детей, посмотрел и убрал в нагрудный карман. С давних пор завёл Шибанов такую традицию: перед вылетом обязательно смотреть на эту фотографию. Только в этот раз при взгляде на родные лица отчего-то кольнуло сердце...

Самолёт взмыл в небо. Квадрат, где были обнаружены бандиты, был обозначен разведкой довольно точно, и это облегчало задачу...

Сколько таких вылетов было уже на счету майора Шибанова! В прошлую войну пролетал он над теми же зелёными массивами... Тяжёлый осадок оставила в душе та война. Не раз приходилось слышать от сослуживцев и бывать в таком положении самому, когда авиация, обнаружив лежбище боевиков не получала команды на их уничтожение. «Вопрос решается» – был дежурный ответ в таких случаях. А, пока он «решался», бандиты уходили. И хорошо, если просто уходили, а то ведь и успевали нанести удар первыми. Так обнаруженным, но не уничтоженным «Градом» в самом начале той войны была обстрелена колонна десанта. Имелись большие потери. Только после этого вопрос был «решён». Только боевики уже ушли. Вместе с «Градами». В том деле Шибанов участия не принимал, и историю эту рассказывал ему майор Губайдуллин, бывший её участником.

Интересно, не ушли ли «духи» из квадрата? Вполне могли успеть. Данные разведки поступили ещё утром. Но утром прибыла комиссия, совала нос, куда не прошено, и при ней уничтожить банду авиационным ударом показалось политически нецелесообразным...

Была бы проклята эта политика! Никогда в истории русская армия не проигрывала войн! Русский солдат и офицер не бывал побеждён! Проигрывали – политики. Крали победы армии. А сама армия русская – непобедима. Даже сейчас! И сами политики, шкуры продажные, не подозревали о том! И в прошлую войну сделали открытие неприятное: может ещё воевать русский солдат. И как может! Кто бы мог подумать! Ведь не для того ту войну начинали, чтобы победить. Но – чтобы быстро потерпела армия поражение. А армия – победила. Назло всем им. И тогда политики эту победу отняли и обратили в поражение. Под одобрительный гвалт общественности... Попалась когда-то Шибанову книжка о русско-японской войне. Было это как раз 97-м году. Читал Сергей и изумлялся, много схожего находя со своей войной. И победы, глубиной и подлостью чьей-то в поражения обращённые, и поведение общественности, японцев поздравляющей (теперь – «масхадовцев»).... Хотел тогда Шибанов даже глубже вопрос этот изучить, но не хватило упорства. Не его это дело было. А тут и новая война началась... Так и живём: от войны до войны, не успевая раны залечивать, дух перевести – поколение за поколением выбиваем – и как и когда восстанавливать?..

...Вдруг грохотнуло что-то. Накренился самолёт. Это с земли снаряд выпущен... Обшивку пробил... Запахло дымом. Серьёзное дело! Где же это затаились они? До квадрата нужного – лететь ещё... Или уж ушли они оттуда и дошли сюда? Эх, с утра надо было лететь!

Застрекотало внизу. Пулемёт? Выводить, выводить надо из под огня самолёт, отводить в сторону...

...А связи нет уже... Пулями провода повредило.

Вывернул Сергей штурвал, уводя теряющую высоту машину из опасной зоны. Но уже горела она. Мысли проносились в голове с неестественной скоростью. И среди них: «Счастье, что поблизости населённых пунктов нет... Жертв там не будет...»

Самолёт стремился к земле, как подбитая птица. Ох, не зря же кольнуло так сердце сегодня на вылете!

Оставался последний шанс – катапульта. В этих краях, правда, катапультироваться опасно: чёрт знает, кто тебя прежде отыщет – свои или абреки... Но выбирать не приходится... Лишь бы техника не подвела!

...Но техника (изношенная давным-давно!) – подвела... Не работала катапульта... Исчезло небо, утром ясное, а теперь вдруг облаками затянутое... И земля всё ближе, ближе... Казалось, никогда не была она так близко... И земли не стало...

Глава 7. Кто рока ищет...

Хроника

10.03.00. Министр обороны РФ Игорь Сергеев официально подтверждает гибель 85 десантников 6-й роты 76-й псковской дивизии ВДВ в результате боя в ночь с 29-го февраля на 1-е марта.

12.03.00. Российским спецслужбами взят Салман Радуев.

29.03.00. Колонна Пермского ОМОНа попадает под обстрел боевиков. Погибли 43 военнослужащих, 18 – ранены, 9 – пропали без вести.

23.04.00. Под обстрел боевиков попадает колонна 51-го полка Тульской дивизии ВДВ. Погибло 15 десантников, 6 получили ранения.

Валерий Манилов объявляет о завершении войсковой части операции.

11.05.00. Обстреляна колонна федеральных сил, погибли 18 военнослужащих...

Цитата

«...вряд ли суждено сбыться надеждам, что боевики будут загнаны на зиму в горы, где и перемрут от тоски и безысходности. Большая их часть перезимует в домах, освещаемых «федеральным» электричеством, согреваемых «федеральным» газом и где они будут обеспечены гуманитарной помощью, поставляемой МЧС.

Вторая – что весной 2000 года наверняка начнётся партизанская война – вариант весны 1995-го. Это очевидно как для тех, кто воюет, так и для мирного населения, которое вынуждено с тревогой ожидать будущего. Подобные факты вызывают к размышлениям: такое развитие ситуации на Кавказе выгодно тем, кто всего этого склонен не замечать». «Солдат удачи», №1 (64), 2000 год.

– Едрёный корень! Ну, это ж хандец какой-то! Твою мать, а... – капитан Шавлак круто развернулся к Стрешневу. – Ведь до нас это гребаное село пять раз зачищали! Как можно было прохлопать не схрон даже, а целый цех по производству оружия?! Какой, к матери под вятери, может быть наведён порядок?!

Стрешнев только руками развёл. Цех по кустарному производству оружия был обнаружен в погребе одного из домов взводом Игоря, которому был дан приказ хорошенько прочесать селение, при подходе к которому снайпером был убит один из бойцов стрешневского взвода. Когда спустились в погреб, то ахнули: миномёты, гранатомёты, ружья противотанковые, оборудование для их изготовления... А ведь это не далёкий горный аул, а селение, давно федеральными войсками освобождённое, не один раз «зачищенное»! И – проморгали???

– Небось, в дерьмократию играли, – с досадой говорил капитан. – Зачищали интеллигентно, чтобы не дай Бог не пожаловались на нас шкурам правозащитным. А у нас бойца теперь убили! И где-то снайпер этот грёбанный бродит! Может, даже в селе этом кантуется... Или где-то рядом. Уж, по крайней мере, аборигены знают, где его искать. Гадом буду, знают! И про цех этот знали. Не могли не знать! А за сокрытие такого «богатства» нужно было бы карательную экспедицию здесь устроить! А мы будем утираться. Ходишь по этому селению, все тебе в

лицо улыбаются, все – лояльные и мирные, а повернись к ним спиной – зарежут! Кстати, что с хозяином этого дома?

– Нет хозяев, товарищ капитан. Соседи говорят, давно нет.

– Заметно, что давно! – буркнул капитан. – Видать, призраки бесплотные тут ружьишки-то изготавливали.

Шавлак поднял одно из ружей:

– Хорошая работа. Знали кустари дело своё. Может, даже прежде на оружейных заводах работали...

– Что делать будем с этой находкой, Леонид Иванович?

– Что-что... Отправим в центр с соответствующим рапортом, а там уж пусть разбираются... Разбираются, почему этот арсенал раньше не нашли, и кто за это должен отвечать.

Стрешнев знаком велел бойцам уносить найденное оружие.

– Надо себе оставить, – пошутил один из них, румяный деревенский парень с расплюснутым носом и смеющимися глазами. – Пригодится!

– Я тебе оставлю, Кузин, – усмехнулся старший лейтенант. – Погрузите это всё... Потом доложите.

– Есть!

– Самое главное, старлей, что никто ведь никакой ответственности не понесёт... – вздохнул Шавлак, закуривая. – У нас никто ни за что не несёт ответственности... Слово само это из обихода вычеркнули. Что хочу, то и ворочу... И не лезь поперёк, а то тебя же и припекут этой ответственностью...

– Леонид Иванович, может, потрясти старейшин, как следует? – осторожно предложил Стрешнев.

– А – как следует? – мрачно отозвался капитан. – К ним так просто не подступишься. Это – главные люди. С ними нужно особый пиетет соблюдать... А то потом хлопот не оберёшься...

– Да какой пиетет? – вскинул голову Игорь. – Спрашиваю я одного из этих аксакалов хреновых: знал ты про этот цех? Нет! Не знал! Ни сном не духом! А глаза – лживые-лживые. Смотрит и ведь издевается, смеётся над нами! Сволочь старая... У самого, небось, сыновья по горам бегают! И снайпера, наверняка, эта гнида знает!

– Знает, – кивнул Шавлак. – Только не скажет ничего. Хоть ты его по кускам режь. Это тебе, старлей, не шантрапа какая-нибудь. На испуг не возьмёшь.

– Тогда стрелять надо! По законам военного времени! За укрывательство!

– А у нас нет войны. У нас – контртеррористическая операция, наведение конституционного порядка в одном из субъектов федерации. И никаких военных законов здесь нет.

– И никаких других тоже! Один закон: им в нас можно стрелять, а нам – только с разрешения высшей инстанции, которого пока дождётся, аккурат самих всех и положат.

– Именно, – вздохнул капитан. – Поэтому никаких резких движений. Главное, спиной к ним не поворачивайся... И помни: наше дело – выполнять приказы. А инициатива, сам знаешь, наказуема.

Стрешнев пожал плечами. Не нравилась ему эта бесхребетная логика капитана. Для чего тогда оружие дано? Для чего тогда, вообще, вся эта кампания? Приказы выполнять! Инициатива наказуема! Не лезь! А что – прикажете спокойно смотреть, как очередного бойца снайпер срезет? Не терпел Игорь нерешительности, не терпел готовности принимать всё, как есть. Смирение – штука хорошая, но не для военного человека! Для него оно пагубно! А Шавлак как раз смиренен был. Иногда лишь бывали у него вспышки гнева (как только что), но они проходили быстро и сменялись какой-то апатией, хандрой, безразличием...

Несколько месяцев служил Игорь с капитаном Шавлаком и никак не мог понять его. Странен был Леонид Иванович, и в душу свою никого не пускал. Известно о нём было лишь, что семьи у него нет, что служебных проступков за ним не числится. Да и всё. Стрешнев зага-

док и недомолвок не любил, как не любил и людей, скрытных, про себя что-то таящих. Но Шавлак Игорю почему-то нравился... Был капитан умён, образован, честен, редко повышал голос, редко бранился, не злоупотреблял спиртным... Никто не мог упрекнуть Шавлака в личной непорядочности, двурушничестве, подлости. Даже честолюбием не отличался этот странный капитан. Иначе бы давно уже был майором. А всё-таки что-то скрывал он внутри, что-то точило его... В бою Леонид Иванович отличался большой отвагой. Никогда не прятался он за чужими спинами, а заботился в первую очередь о подчинённых, а потом лишь о себе. Но в присутствии начальства исчезала вдруг отвага капитана. Начальству перечить не смел он. Слово начальства – закон неопровержимый. В бою мог Шавлак своего бойца собой закрыть, но защитить его от гнева начальства не смел. Будто бы два человека уживалось в капитане. Было у Леонида Ивановича ещё одно скверное для военного человека качество: склонность к перепаду настроения. Внешне сдержанный, он чувств своих не показывал, но, если такое случалось, то замечал Стрешнев, что командира его словно лихорадит начинает, аж трясёт от негодования, и желваки ходуном ходят, и глаза блестят. А после вспышек таких наступала хандра. И казалось тогда, что ни до чего нет дела капитану. Такого состояния командира Стрешнев опасался больше всего. Не имеет право командир на настроения! От него ведь зависит и настроение подчинённых. Не должны они видеть безнадёжности и отчаяния в его взгляде! А в Шавлаке, как догадывался Игорь, эта безнадёжность дремала на дне души. Была в капитане какая-то надломленность, граничащая с обречённостью. «Интеллигент» – нашёл Стрешнев определение для своего командира. Даже и внешне на интеллигента похож: почти аристократ... Мягко, нервен, меланхолик – расшифровал Игорь капитана. И, расшифровав, научился подлаживаться под характер Шавлака. Стрешнев никогда не тянул одеяла на себя, никогда не поддавался влиянию симпатий и антипатий. Главное – дело. А для дела нужно ладить с командиром, не дискредитируя его, а дополняя. У Леонида Ивановича есть и опыт, и талант в проведении спецопераций, а Игорь выдержан и там, где Шавлак, из колеи выбитый, остановится, доведёт дело до конца: уж его-то с курса намеченного сбить трудно. Вот, и выходит польза.

Пользу эту, кажется, и сам капитан понял и старшему лейтенанту доверял вполне. Постепенно притёрлись офицеры друг к другу, и Стрешнев, несмотря на частое внутреннее раздражение против командира, даже проникся к нему симпатией. Не хотелось Игорю другого начальника (он к капитану-«интеллигенту» привязался уже), а хотелось помочь капитану, поддержать его, чтобы не сорвался...

И сейчас накипевшее в сердце не смел Стрешнев командиру выказать. Он по лицу его видел: то же самое Шавлак думает, то же самое переживает и, может, даже сильнее и глубже его, Игоря. Давно заметил старший лейтенант, что, сохраняя внешнее спокойствие, Леонид Иванович очень многое болезненно воспринимает, а потому не нужно и говорить ему, соль на раны сыпать...

Капитан докурил, поднял на Стрешнева серые запавшие глаза:

– Вот, при Ермолове взяли бы мы этих старейшин аманатами и потребовали бы у местных жителей, чтобы бандитов скрывающихся нам выдали, под угрозой расстрела аманатов... А теперь...

Это не с брызгу Шавлак о Ермолове заговорил. Знает, о чём говорит. Леонид Иванович был человеком книголюбивым и о Кавказе, в частности, читал немало. Кое-что, когда расположен был, рассказывал. Стрешнев командира слушать любил. Рассказывал капитан хорошо, красочно. Игорь даже завидовал немного такой образованности и памяти командира...

– И заметь, старлей, Ермолова они уважают! Потому что силу в нём чувствовали. Силу, последовательность, твёрдость. А либерального скулежа никогда уважать не будут. А мы, вот, болтаемся, как дерьмо в проруби. Никакой последовательности... Только сами же воду мутим...

День выдался жарким, и солнце пекло немилосердно. На прошлой стоянке повезло: рядом оказался пруд. Удалось там отмыться от грязи дорожной, освежиться. А здесь ни единого водоёма поблизости! Не селение, а дыра какая-то... Ещё и снайпер где-то шарается – ходишь, словно под прицелом... Бронежилет ещё этот чёртов словно целый пуд весит...

Шавлак снял с головы каску, пригладил тёмно-русые слипшиеся от пота пряди:

– Духота...

– Вы бы каску надели, товарищ капитан. А то ведь снайпер... – заметил Стрешнев.

– Раньше смерти не умрёшь, старлей, – отозвался Леонид Иванович.

Ох уж был Игорю этот капитанский фатализм! Вот, и теперь показалось ему, как не раз прежде, что Шавлак не просто смерти не боится, но ищет её... Будто бы специально свой высокий, бледный (даже загар почти его не трогал!) лоб для снайперского прицела открыл, ожидая пули, как избавления... От чего?..

Но не до капитанских загадок был нынче Стрешневу. Непокойно было на душе у старшего лейтенанта после последних писем из дома. Он уж давно почувствовал в письмах матери что-то «не то», какое-то умалчивание и насторожился. А в последнем письме сообщила она, что отцу «слегка нездоровится». Что означало «слегка нездоровится» догадаться было нетрудно. Об «слегка» и не стала бы писать. Значит, серьёзно болен отец... Да неудивительно это. Стар он, да и сердце давно шалило... И сейчас как нельзя более нужен Игорь дома. Нужен отцу. Нужен матери. А он ничем не может пособить им, застряв в этой дыре... Хорошо ещё жив и здоров дядька Тимофей, брат матери. На него можно положиться: не оставит родных в беде – в семье Стрешневых-Астаховых это не принято было, но исстари утвердилось другое – крепость семьи и поддержка друг друга.

Игорь считал себя человеком вполне счастливым. В его пока недолгой жизни было уже целых две крупных удачи. И первая из них – семья. Каждым своим родственником Стрешнев мог гордиться, каждый из них мог быть для него примером. Как единственный сын, Игорь всегда был окружён большой любовью, не переходившей впрочем границ разумного, а потому не калечившая психику и характер ребёнка, как это бывает подчас.

Деда, донского казака, треть жизни промыкавшегося по лагерям и ссылкам, Стрешнев в живых не застал и знал о нём лишь по рассказам бабки, Евдокии Саввичны. От неё же слышал он и о других родственниках. В частности, о прадеде – казачьем атамане Григории Астахове. Евдокия Саввична, вообще, оказала очень большое влияние на внука. Поскольку мать и отец много работали, то всё своё дошкольное детство Игорь проводил с бабушкой, слушая её бесконечные рассказы. Евдокия Саввична пестовала внука энергично, стараясь вложить в него как можно больше, торопилась, точно боялась не успеть, предчувствуя, что недолго сможет быть с ним. В конечном счёте, так и случилось...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.